

ПЕРВЫЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ:

НОКОРАДА

АГАТА ЯРЬКОВА

Агата Ярькова

Первый из четырех: Нокорада

«Автор»

2026

Ярькова А.

Первый из четырех: Нокорада / А. Ярькова — «Автор», 2026

Города Нокорады больше тысячи лет живут под властью таинственных божеств. Размеренный поток дней нарушают лишь капризы природы и набеги разбойников. Весной 1089 года из рудников под древним лесом выходит нечто, несущее погибель. Над ним не властны ни князья, ни всадники Грифоньей гильдии. Оно порождает созданий, одним видом способных лишить разума, и сеет хворь. Четверо всадников гильдии, наследник короны Серебряного Города, знахарка и жрец оказываются посреди зарождающегося урагана бедствий, угрожающего разрушить последнее пристанище человечества. А божества молча переплетают нити семи судеб, создавая силки для зверя.

© Ярькова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отражения	5
Глава 2. Птичник	10
Глава 3. Омут	16
Глава 4. Колокольчики	20
Глава 5. Наследник	26
Глава 6. Обряд	30
Глава 7. Встреча	34
Глава 8. Копоть	39
Глава 9. Святилище	43
Глава 10. Странники	47
Глава 11. Создание	52
Глава 12. Решение	56
Гл	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Агата Ярькова

Первый из четырех: Нокорада

Глава 1. Отражения

15 день 1089 года с момента появления Светлых, весна

Крылатая тень на мгновение заслонила солнце, жалившее кожу подобно уксусному пауку. А может, Хуро это почудилось из-за нестерпимой весенней жары, привычной для севера континента. Рынок Яшменного Перелива оглушающе пах пряностями: к сушеным кинзе, базилику и розмарину, раскрывавшимся в горячем и влажном воздухе, примешивались еле ощутимые ароматы шафрана и кислых листьев черновника. На проезжавших мимо рынка телегах позванивали колокольчики, вторя размеренным движениям запряженных красных волов. Их лоснящиеся шкуры то и дело подергивались от прикосновений ненасытного гнуса. Люди сновали по рынку подобно той же мошкаре, сбиваясь в разномастные стайки у прилавков со специями, красками для тканей и самоцветами. Хуро Арген вытер лоб рукавом, на мгновение ощутив, как нагрелись волосы, и мысленно поблагодарил себя за то, что оставил плотный белый кафтан в стойле. Хуро медленно шел через толпу, глазами выискивая вывеску травника, и с каждой пройденной лавкой надежда угасала. Торговцы — народ вольный, и Гроуб мог запропасться на окраинах города, где тянулись пышные северные сады, или вовсе уехать.

— Любезный! — Из-за покосившегося прилавка высунулся высокий тучный мужчина с усами и перегородил Хуро дорогу рукой. С нее, широкой, как медвежья лапа, и покрытой выгоревшими на солнце волосами, свисали подвески с искусно ограненными камнями и кристаллами. — Не интересуешься украшениями для своей единственной?

Хуро подавил желание отмахнуться. Раз Светлые так решили, придется раскошелиться.

— С удовольствием посмотрю. — Помедлив для приличия, он указал на крупный кристалл желтого кварца, оплетенный стальными нитями, переходившими в цепочку. — Вот это подойдет к ее глазам. Сколько с меня?

Торговец расплылся в улыбке, вынул из-за прилавка холщевый мешочек и ловко расправил его толстыми и слегка кривыми пальцами, черными от каждодневного соприкосновения с металлом. Остальные украшения, оставшиеся висеть на его руке, тонко звякали, сталкиваясь друг с другом.

— Сезон только начинается, любезный, так что камни отборные, и их обрамление готовилось без спешки. Но цену ломить не буду, я не так воспитан. — Усач крикнул, отправил подвеску в мешочек и перевязал его тонким кожаным шнуром. — Три золотых или один медяк.

Хуро вынул из кармана медную монету. За триста таких можно было купить вола, и кто был не воспитывал торговца, он явно не привил ему чувство сдержанности при выставлении цены.

— Скажи, где мне найти травника Гроуба Сабла? — спросил Хуро как бы между прочим, пряча мешочек с подвеской в набедренную сумку. — Говорят, у него есть хорошие микстуры от лихорадки.

— У Гроуба-то? — Усач усмехнулся и потер пальцами подбородок, оставляя на нем темные следы. — У него чего только нет, любезный. Но дела лучше вести с его матерью, а то Гроуб, как голодный шакал — только отвернешься, а он уже вцепился. — Торговец махнул рукой. — Иди до конца ряда, потом свернешь налево и увидишь большую палатку с железками, которую его мать, Финия то бишь, держит. Гроуб не сидит на одном месте, но часто рядом с ней ошивается.

Описание травника насторожило Хуро, но он надеялся, что Гроуб не откажет в разговоре, иначе крик, который пришлось сделать прошлым вечером, был зазря. Лекари в местной лечебнице предложили добавить в питание больше мяса и дольше спать, но без осмотра не смогли даже осторожно предположить, что за болезнь терзала Тис. Только одна из них, сухенькая старушка с согнувшейся под весом лет спиной, посоветовала найти Гроуба и заглянуть к жрецам в святилище. Последнего Хуро, разумеется, делать не посмел — жрецы Светлых были нечеловечески проницательны, и не хватало еще, чтобы они узнали о болезни правительницы Молчаливого Предела. Тис разозлится за расспросы без одобрения с ее стороны, но Хуро больше не мог выносить неопределенности.

Он достиг конца ряда, свернул налево и сразу заметил затянутый полосатой тканью деревянный прилавок, за которым высилась напоминавшая дом пристройка. Полки заполняли железные фигурки животных, людей и цветов. Особенно много было свернувшихся кольцом змеек — символа Яшменного Перелива. Отдельно выставлялись статуэтки Светлых — держащихся за руки мужчины и женщины с двумя полными лунами за плечами. Обычно такие фигурки помещали на домашние святилища или расставляли около окон, чтобы божества приглядывали за жилищем. Верхнюю перекладину занимали ветряки с чайками, коршунами и акктрусами — четырехкрылыми птицами, обитавшими у берегов морей и крупных рек. Хуро, хоть и побывал во всех частях континента, видел акктруса лишь однажды, когда навещал родителей в порту: большая серая птица пронеслась у него прямо над головой и спикировала к воде, чтобы выхватить пару рыбешек с блестящей чешуей.

— Светлого дня! — Хуро отвлекся от товаров и подошел ближе. Высокая женщина с песочной косой толщиной с руку, сидевшая на табурете рядом с полками, наконец удостоила его взглядом. — Госпожа Финия? Я ищу вашего сына.

— Если тебе травы нужны, то скажи мне, и я вынесу. Если хочешь с ним встретиться, приходи завтра рано утром. — Финия покачала головой, и ее серьги с подвесками засверкали под полуденным солнцем. — Сегодня никак.

Хуро уже выученным движением достал три толстые медные монеты и стопкой поставил на стол.

— Госпожа, завтра я буду уже далеко от Яшменного. Обещаю, доставлять вашему сыну хлопоты не стану, только спрошу кое-что. Говорят, травника талантливее на всем севере не сыщешь.

Финия устало нахмурилась.

— Забирай свои медяки и уходи, — сухо произнесла она. — Есть вещи, перед которыми ни талант, ни деньги власти не имеют.

Хуро собирался возразить, но тут из пристройки за прилавком раздался шум, словно об пол грохнули связкой веток. Финия вскочила и исчезла в темном проеме, послышались приглушенные спорящие голоса. Через какое-то время торговка, мрачнее прежнего, появилась на пороге пристройки.

— Заходи. Гроуб сказал, что сможет с тобой побеседовать. Но не мучай его долго, прошу тебя.

Голос Финии едва заметно дрогнул, она отошла от двери и вновь опустилась на табурет. Между начинающих сесть бровей пролегла тяжелая глубокая морщина, видимо, ставшая привычной для ее лица.

Воздух в пристройке оказался спертый, смешанным с запахами мяты и сушеного корня кровянки. Единственное окно прикрывал необработанный отрез серой ткани, на тумбе в углу стояла курильница в виде надутый жабы, испускавшая из продырявленных глиняных боков терпкий дым. На придвинутом к стене у окна топчане лежал юноша на вид чуть старше Хуро. Соломенно-желтые волосы травника растрепались, в уголках губ краснели язвы. Сухая кожа обтянула его кости, словно одежда, сшитая не по размеру. Гроуб болел серьезно и неизле-

чимо, что было понятно и без обучения лекарскому искусству. Глаза, окруженные потемневшей кожей, обратились на Хуро.

— Светлого дня. — Гроуб тут же зашелся мучительным лающим кашлем, но приступ вскоре прекратился. — Прости, сегодня слишком жарко, вот и занемог сильнее обычного. Не бойся, это не поветрие. — Он глянул на Хуро уже с интересом. — Штаны у тебя из шерсти, лицо бледное, значит, издалека к нам прибыл? Ты южанин?

— Светлого дня. Нет. — Хуро присел на край топчана, у ног травника. — Я с востока континента, из Молчаливого Предела.

На лице Гроуба проскочило едва заметное удивление. Он с трудом поднялся и привалился боком к стене.

— Из гильдии, значит? Важная птица. — Гроуб снова закашлялся. — Не ожидал, что кто-то из ваших посетит нашу лачугу, да еще и с просьбой о помощи. Ты ведь за этим здесь?

Хуро кивнул:

— Мне сказали, ты разбираешься не только в травах, но и в болезнях. Моя сестра, кажется, занемогла, но ни один лекар не может сказать, что именно не так.

Все же проболтался. Хуро раздосадовано прикусил щеку. С другой стороны, своего титула он не называл, а травник, живущий за сотни верст от Предела, вряд ли знал о делах в гильдии.

— Ты хочешь, чтобы я раздавал советы, не видя больного? Ох, брат, лекари так не делают. — На мгновение Гроуб задумался. — Но лекарем мне уже не быть, так что наплевать. Говори.

— Я заметил это пару недель назад, почти сразу после Затмений, — начал Хуро, стараясь обрисовать все в полной мере. — Она стала бледной, забывчивой, мало ест и жалуется, что голова часто болит. А еще глаза теперь какие-то темные.

— Хочешь сказать, белок посерел? — уточнил Гроуб, указав пальцем на собственные глаза, и Хуро вновь закивал. — А что ваша знахарка?

— Сестра ей так ничего и не рассказала.

— Ну разумеется, — усмехнулся травник. — Любимое занятие всех болящих — думать, что пройдет само, а потом отправиться на погребальный костер. Сколько ей?

— В третий день лета будет сорок три года.

— Да-а, молодая совсем, — протянул Гроуб, постукивая пальцами по колену. — А ты не замечал у нее черных пятен на коже?

— Нет... То есть, — Хуро замолчал, вспоминая. — Вообще-то были маленькие черные точки на пальцах, но я решил, что это следы от чернил. Она много пишет.

Гроуб тяжело вздохнул и, морщась, встал с топчана. Слегка пошатываясь, он побрел к тумбе.

— Следы от чернил, да? — Гроуб медленно опустился на колено и, открыв скрипящую дверцу, принялся выставлять на пол холщевые мешочки и склянки с растворами. — Несколько недель назад ко мне заглядывал стражник из Серебряного Города. Верь или не верь, жаловался на те же напасти, что и у твоей сестры, а в придачу у него на шее были черные пятна размером с медяк. Я дал ему это.

Он бросил через плечо черный мешочек, и Хуро поймал его на лету. От ткани пахло сушеным черновником и чем-то металлическим.

— Растертый ликритонис, — ответил Гроуб, опережая вопрос Хуро, и начал укладывать свои запасы обратно. — У меня припрятан большой кристалл — подарил один купец, когда я избавил его от нарывов.

— И что же, стражнику это помогло?

Травник закрыл тумбу и, кашляя, поднялся на ноги.

— Должно было помочь, как я думаю, только вот он ушел к Светлым, не успев за порог ступить. Видимо, тоже надеялся исцелиться сам и начал искать лекарство, когда стало уже поздно.

Среди жаркого дня Хуро обдало холодом — то ли от этих страшных слов, то ли от того, с каким безразличием их озвучил травник. Мешочек покалывал пальцы, словно был соткан из стеблей самого колючего жаролистника, стекавший по лбу пот стал неприятно липким.

— Не знаю, что это за хворь, но с ней явно не стоит шутить. — Гроуб вновь устроился на топчане. — Ликритонис надо расплавить на огне, потом остудить и бросить в бочонок с холодной водой. Пусть пьет эту воду в день по чашке. Твоей сестре должно стать лучше.

— А если не станет? — как-то глухо произнес Хуро.

Гроуб развел руками.

— Значит, никудышный из меня вышел бы лекарь. Но ликритонис разве что мертвых не поднимает, так что не переживай.

Хуро бережно уложил мешочек с лекарством в сумку и вынул кошель с золотыми. Травник замотал головой.

— Нет-нет, уברי. Мать сказала, ты ей уже медяки дал, этого достаточно. — Гроуб опустился на соломенную подушку и сощурился от полоски света, выбившейся из-под ткани на окне. — Только... Слушай, брат, если доживу до осени, сможешь ненадолго забрать меня в Предел? После наступления холодов всегда становится чуть легче, так что дорогу перенести смогу. Страсть как хочется поглядеть на мир с высоты и на зверюг ваших.

— Договорились. Значит, до осени, Гроуб.

Улица окотила горячим воздухом, который теперь казался свежим речным потоком. Хуро поклонился матери Гроуба и зашагал прочь, еле переставляя ноги от взявшейся из неоткуда усталости. Он тайно надеялся, что травник, как и прочие, скажет, что у Тис какая-то пустяковая хворь, выдаст местные травы и все станет как раньше, просто и понятно. Теперь же тягостные мысли, окрепнув, вытягивали из Хуро последние крупницы спокойствия, и лишь мешочек с самым редким минералом на континенте не позволял окончательно поддаться панике. Хуро хотелось поскорее оказаться дома, в Молчаливом Пределе, окруженном холодными ветрами и облаками, неприступном и вечном.

На выходе из ряда показалась шумная кучка людей, одетых в пестрые мантии, расшитые замысловатыми узорами. По лютням, дудочкам и колпакам с бубенцами Хуро догадался, что это были артисты из Звонкого Города. Большая часть его жителей кочевала, давая представления в поселениях по всему континенту, и лишь изредка навевывалась к родне, оставившей путешествия. Потому-то Звонкий за все время своего существования не обзавелся крепкими стенами, и его территорию занимали одни шатры да палатки. Иногда Хуро ловил себя на зависти: жизнь бродячих артистов казалась легкой и свободной, не в пример той, что была у связавших свою судьбу с гильдией. Переписывание старых фолиантов и свитков, миссии, решение чужих споров — и так все годы до скончания времен. Может, это и понравилось бы ему, сделай Хуро выбор вступить в гильдию по своей воле, но он появился на свет в семье первого правителя в роду и был связан долгом с момента, как открыл глаза.

Чтобы не столкнуться с музыкантами, он нырнул под навес одной из лавок. Со стены за прилавком на Хуро разом глянули десятки его копий: здесь продавали зеркала. Круглые, квадратные, в форме звезд и полумесяца, в железных, костяных и деревянных рамках, они слегка качнулись, когда он шагнул на деревянный помост. Торговец, лениво развалившийся на плетеном кресле, приоткрыл глаза и вопросительно поднял брови.

— Простите, — Хуро замялся и тут вспомнил, что хотел купить еще в Травяном Перевале. — Я ищу тетради, потолще и покрепче. Видимо, мне в другую лавку.

— Ну что вы, господин! — Мужчина оживился, поднялся с кресла и поднял руки в успокаивающем жесте. — Погодите, я скоро вернусь с тем, что у нас есть.

Торговец вышел из-под навеса и растворился в пестрой толпе, похоже, совсем не заботясь о сохранности своих товаров. Хуро скрестил руки на груди и от нечего делать вновь повернулся к зеркалам. Поверхность одного из них, висящего на высоте его роста, оказалась треснута, и по щеке отражения пролег несуществующий шрам. Хуро потер лицо, словно пытаясь смахнуть наваждение.

«Надо наконец поговорить с Лимом».

Глава 2. Птичник

Лим стиснул ошейник, прижав успевшие замерзнуть пальцы к теплому желтому меху, и поднялся на Перстень по скользкой от дождя каменной площадке, увлекая Пепла за собой. Весна выдалась необычно холодной, и пришедшие из-за Червивого моря ветры день за днем обрушивались на Молчаливый Предел и распростертую перед ним долину. Ночами тучи скрывали за надувшимися от влаги боками обе луны, и Старик все чаще припоминал времена Гиблой десятки, когда голод, порожденный нескончаемыми ливнями, забирал жителей континента целыми семьями. Лим не думал, что бедствие повторится, но становился мрачнее, стоило заметить очередное изменение, и вместе с тем стыдился своих мыслей. Все же Тис была спокойна, а если правительница не видела в происходящем ничего дурного, то Лиму, простому птичнику, не престало строить тревожные догадки.

Они с Пеплом вышли на Перстень в том месте, где он начинал вытягиваться в огромный острый шип, обращенный к долине. Перстнем называлась широкая стена высотой в двадцать локтей, создававшая на вершине замка подобие колодца, дно которого образовывала площадь. Острие было высотой вдвое больше, чем остальная часть стены. Оттуда окрестности казались миниатюрой на странице книги, а блестящие вдалеке башни Серебряного Города — булавками, воткнутыми прямо в землю. Долина, усыпанная красновато-оранжевыми всполохами, прикидывалась спящей. Но Лим знал, что где-то там, среди оплетенных темнотой кустов, молодой травы и еще не вполне оперившихся листьями деревьев, уже ищут корм стада косуль.

Хотя дичи еще было немного, молодняк не оставался без пропитания благодаря охотничьим навыкам Пепла. Лим же, чье присутствие во время промысла было совсем необязательным, использовал утренние часы чтобы ненадолго остаться наедине со своими мыслями и позволить им течь без преград, как Кривой реке, рассекавшей долину напополам. Тяжелая работа не позволяла Лиму делать этого днем, а по вечерам силы оставались только на чтение переписанных сотни раз фолиантов и отход к беспокойному короткому сну, прокладывающему дорогу к новому кусочку жизни, не отличавшемуся от предыдущего.

Лим всмотрелся в небеса над Пределом, но там не было ничего, кроме рваных облаков, лениво бредущих куда-то за мировую грань. «Побери тебя тьма, Хуро, — раздраженно подумал он. — Где ты опять пропадаешь?»

— Ладно, — по привычке пробормотал Лим себе под нос, проверил подпруги, взобрался Пеплу на спину и затянул проходившие над коленями ремни. Он надел толстые кожаные перчатки, подшитые изнутри мехом, одернул серый шерстяной кафтан и дважды хлопнул зверя по правой лопатке.

Грифон встряхнулся, напряг лапы и взлетел с Перстня одним мощным прыжком. Ледяной воздух ударил в лицо, и Лим едва смог вдохнуть. Их учили, что в непогоду лучше подниматься с одной из нижних площадок, постепенно набирая высоту, но отдавать этому даже крупицу драгоценного утреннего времени было жаль. Несколько взмахов черных крыльев — и Пепел уже парил над началом долины. Он поднялся чуть выше и начал кружить, высматривая добычу. Лим наконец продышался, убрал растрепавшиеся каштановые волосы под капюшон и задержал взгляд на рассветном небе, вымазанном золотыми и лавандовыми красками. Участвовать в охоте напрямую Лим не мог: его, как и всех в гильдии, связывала со Светлыми клятва — никогда не проливать кровь.

Хуро должен был вернуться еще на минувшем закате, но не явился вовремя, как это и случалось обычно. Их сходство держалось лишь на том, что они появились на свет в один день. С годами Хуро сильно вытянулся, окреп и потерял всякий интерес к обучению, предпочитая проводить дни за визитами в разбросанные по континенту города. Лим же, несмотря на каждодневный труд, остался худосочным, охочим до знаний из старых свитков и книг, и старался

не покидать окрестностей Предела. Самой большой разницей стало положение в гильдии. Лим почти перестал размышлять об этом и не злился на Светлых за их выбор: однажды Хуро придется взвалить на себя ношу ответственности за почти тридцать душ и связь с божествами, а Лиму будет достаточно охаживать поголовье грифонов и приглядывать за соколами, относившими срочные послания. Свободы на долю птичника выпадало чуть больше, а может, Лим просто утешал себя этим.

Пепел резко повернул черную голову влево и прижал уши. Лим крепче взялся за тянувшиеся от ошейника поводья и слегка наклонился, силясь разглядеть, что привлекло внимание зверя. С такой высоты это было сложно, но все-таки Лим различил небольшое стадо косуль, шедшее в сторону реки. Охота закончится быстро. Не взмахивая крыльями и не издавая звуков, Пепел начал снижаться. Зная, что за этим последует резкий бросок, Лим еще раз проверил стягивающие бедра ремни, отпустил поводья и ухватился за ручку на передней луке седла. Обычно такие седла использовали путешествующие между городами почтовые, потому что Молчаливый Предел дарил им самых быстрых зверей, на спине которых было непросто удержаться. После того, как во время охоты Лим слетел на землю и едва не сломал шею, такое сделали и для Пепла. Лиму же остался на память уродливый шрам, пропахавший левую щеку от глаза до губ. Эту отметину Лим носил с гордостью, как и свой серый, а не черный как у остальных рабочих, кафтан.

Грифон прижал крылья к бокам и, словно пущенный из пращи камень, устремился к косулям. У Лима вновь перехватило дыхание, внутренности сжались в тугой комок, подступающий к горлу, капюшон слетел с головы. Стадо, до последнего не замечавшее зверя, бросилось враспынную, но три косули замешкались, что стоило им жизни. Лим с трудом разжал окостеневшие от напряжения пальцы и глянул назад. Небеса за Пределом посветлели окончательно, а сам замок, выраставший немим исполином из темной скалы, отбрасывал неровную тень на землю перед собой. Пора возвращаться.

Лим хрипло вздохнул, дважды хлопнул зверя по лопатке, и Пепел, вцепившись в туши передними лапами, тяжело взлетел. Лим не собирался поднимать грифона слишком высоко до самого замка, чтобы не тратить силы попусту, но Пепел решил иначе: услышав что-то, он издал громкий клекот и взмахнул крыльями, ловя поток воздуха и устремляясь в небо. Лим поднял голову. Над ними кружил Репейник — грязно-коричневый почтовый грифон. Перемахнув за седьмой десяток лет, он оставался одним из самых быстрых в Пределе. Почтовые грифоны отличались от прочих широкой грудью, легким костяком, вытянутыми крыльями и появлялись на свет даже у обычных родителей. Нельзя было предугадать, сколько почтовых вылупятся из кладки.

Грифоны поравнялись, и Лим, улыбнувшись, приветствовал брата кивком. Хуро выглядел измотанным, но не разочарованным: видимо, ему удалось договориться в Травяном Перевале о пошиве плащей на будущую осень. Хуро вообще-то не был владельцем Репейника, он мечтал летать на таком же звере, как Север: белом, словно раскаленное солнце. Но за двадцать лет жизни братьев еще один подобный грифон так и не появился на свет, и Хуро часто выбирал Репейника просто потому, что путешествия на его спине не успевали наскучить.

Переговариваясь щелчками клюва и клекотом на одном только им понятном языке, грифоны направились к дому. Лим ощущал, как Пепел напрягается, таща добычу на такой высоте, но ничего не мог с этим сделать: общение с сородичами из стаи для грифонов часто оказывалось важнее комфорта. Хуро же, в чем Лим был уверен, перекинется с ним парой слов, а потом поспешит к Тис докладывать о результатах миссии. После путешествий брат должен был безропотно играть роль наследника, которому не до пустых разговоров.

Наконец оба грифона преодолели Перстень и опустились у столба с тревожным колоколом, торчащим из центра площади, словно заноза. Вокруг уже сновала проснувшаяся община: работники чистили щетками брусчатку, а молодые всадники разминались перед полетами. Из

кухни в западной части замка тянулся приятный аромат свежего хлеба и жареного мяса, но к завтраку Лим не спешил. Сперва следовало накормить детенышей. Он расстегнул ремни и прыгнул на камни, отряхивая кафтан от желто-черной шерсти.

— Репейник с годами становится все костлявей, хоть подушку под седло подкладывай, — проворчал Хуро, разминая спину. — Как оно, братец? — Он хлопнул Лима по плечу сильнее, чем следовало.

— И тебе светлого утра. — Лим поморщился. — Все замечательно. Было бы еще лучше, вернись ты в назначенный день.

— Прости, не уследил за временем. — Хуро отвел взгляд и снял набитую бумагами сумку с седла. — Ну, пойду. Наверняка Тис недовольна моим опозданием не меньше тебя.

Он отправился к навесу, под которым располагалась дверь на южную лестницу, ведущую в жилое крыло. Лим смотрел, как брат пересекает площадь, перебрасываясь приветствиями с гильдией, и все это время ловил себя на ощущении, что с Хуро в это утро было что-то не так. Решив расспросить брата позже, Лим закинул на плечи одну косулю и побрел к северным воротам, за которыми начинался спуск в Гнездо. Пепел улегся рядом с оставшимися тушами, лениво поглядывая на людей, а Репейник вновь взлетел и исчез за краем Перстня.

Молчаливый Предел стал одним из первых людских пристанищ, как Серебряный Город и Дом Света. Основу замка вытесали прямо из верхушки скалы так искусно, что невозможно было определить, где кончались темные камни и начинались стены. Снаружи Предел казался неприступным, — единственная дверь в нем, ведущая к роднику, скрывалась среди камней, — а внутри являл собой подобие муравейника с множеством коридоров, лестниц и площадок разной ширины. В его западной части были общие помещения: главный зал, архив, библиотека, кухня, трапезная и житницы. Восточную часть замка отдали под комнаты для участников гильдии, но число покоев все эти века сильно превосходило количество людей. Северо-восточное крыло, отделенное от остального Предела стеной внутри, полностью находилось в распоряжении грифонов и звалось Гнездом. Даже те, кто жил в гильдии десятилетиями, иногда путались в лестницах и коридорах, но только не Лим. Еще ребенком он накрепко запомнил все закутки замка и теперь мог ходить по нему даже с закрытыми глазами. Это умение оказалось кстати: под тяжестью косули Лим склонялся все ниже и видел один лишь пол, устланный свежим сеном.

Когда Лим достиг широких дверей к Гнезду, косуля нестерпимо давила на плечи и шею, мышцы неприятно горели. Он пинком открыл одну из створок и оказался на каменном выступе, освещенном голубоватым светом алионитов. Гнездо отличалось от остального замка: за стенами скрывались остатки скалы, к которым не прикасалась рука человека. На темных камнях образовывалось множество кристаллов, и птичникам даже не приходилось пользоваться лампами — хватало алионитов и слабого света, пробивавшегося через проемы для вылета грифонов. Когда Лим впервые попал сюда, он посчитал, что спит: настолько это место отличалось от остального Предела.

Лим наконец сбросил свою ношу с выступа, и дохлая косуля шлепнулась о каменный пол. Со сводов послышался оглушительный писк, и в следующее мгновение к туше спикировала пернатая кучка птенцов, по размеру едва превосходящих собаку. Звери принялись выхватывать клювами куски мяса, от которого поднимался пар. Лим снял перчатки, расположился на краю выступа и достал флягу с водой, наблюдая за своими подопечными. Птенцы в этом сезоне росли быстрыми и ладными, и он осторожно надеялся, что до года доживет весь молодняк. Даже единственный появившийся на свет почтовый — черно-белая поджарая самка с сильными угловатыми крыльями — начала летать уже в конце прошедшей осени, что было большой редкостью. Обычно грифоны вставляли на крыло к полугоду, Пепел и вовсе впервые полетел ближе ко второму Затмению. Напившись, Лим закупорил флягу, подошел к стене и ловко взобрался по веревочной лестнице на верхний ярус, где жили остальные грифоны.

Здесь пахло перьями, сеном и терпким корнем кровянки, который давали зверям как лакомство. Прямо у креплений лестницы лежал Север, занимавший среди грифонов столь же высокое положение, как и Тис — его хозяйка — среди людей гильдии. Лиму не нравилось это признавать, но Север слегка пугал его. Хотя бы тем, что даже сейчас, когда зверь отдыхал, его голова с огромным серым клювом возвышалась над Лимом. Пожалуй, на всем континенте больше Севера была только Буря — столетняя грифоница, принадлежавшая князю Серебряного Города Фильдану. Лим никогда не видел ее, но Старик уверял, что Буря размером превосходила двух волов, поставленных друг на друга.

Звери отдыхали на выступях, тянущихся вдоль стен Гнезда. На самом верхнем, свесив длинные полосатые лапы, дремал Сокол, чьей хозяйкой была Аффи. Чуть ниже расположились Хвоя и Блик — два рыже-белых грифона, которыми владели ночные дозорные. Рядом вычесывала черные перья злобная и непокорная Ворона — она принадлежала жрецу Вингу. Чуть поодаль глодал засохшую кость черно-бурый Горный Ручей, не торопившийся выходить к ожидавшим его молодым всадникам. На нижнем выступе расправил крылья Репейник, успевший за это время вернуться в Гнездо через ближайший проем. Наконец Лим различил в полумраке серую шкуру и белые крылья в крапинку — это была Гроза, которой владела Тала. Остальные звери, видимо, разлетелись на охоту.

Освободив Репейника от седла и поводьев, Лим приблизился к Грозе и дотронулся до клюва. Он все еще был горячим, но шерсть вновь стала блестеть, а дыхание выровнялось, значит, Гроза шла на поправку. Этой грифонице едва исполнилось тринадцать лет, она была сильной, поднималась выше всех, и тем удивительнее для Лима была ее болезнь. Но обильный корм, отдых и отвары сделали свое дело. Лим достал из набедренной сумки кусок кровянки и подбросил. Гроза молниеносным движением подхватила лакомство и, довольно урча, проглотила.

— Вечером последний раз выдадим тебе маслолистник, и завтра вы с Талой попробуете полетать. Ладно? — произнес Лим, почесывая ее за ушами. Грифоны не воспринимали человеческую речь, но разговаривать с ними стало для него обычным делом.

Лим бережно расправил одно из крыльев Грозы и провел пальцем по перьям. Да, она вполне готова к полетам. Что бы это не была за болезнь, она не причинила большого вреда, хотя ее признаки сперва походили на хворь, унесшую минувшим летом жизнь Пчелки. Терять грифонов каждый раз оказывалось больнее некуда, и всегда Лим винил себя, хоть и не был единственным птичником в гильдии.

Репейник заклекотал и протянул к нему узкую голову.

— Что, тоже хочешь почесаться? — усмехнулся Лим и запустил пальцы в коричневую шерсть. Грифон прикрыл глаза, пощелкивая кривым клювом.

Репейник вернулся к ним лет десять назад, в самом начале осени. Верхом на нем прилетела старуха-почтовая Затка и попросила Тис забрать Репейника в гильдию, в услужение тем людям, благодаря которым он появился на свет. Сама почтовая тоже осталась в Пределе, чтобы помогать чем сможет — родных у нее не осталось, а дни жизни истекали. Старуха нравилась детям: она учила их, как лучше управляться с быстрым грифоном, а вечерами рассказывала о дальних городах и пела песни, которые складывали во всех уголках континента. Через три полнолуния Светлые забрали ее, и прах почтовой был захоронен по обычаям гильдии — в гробнице на нижнем этаже, где лежали все, кто до последних дней не покинул Предела. Репейник еще несколько недель то и дело начинал беспокойно кружить над замком, словно выискивая свою хозяйку.

— Наверное, ты уже забыл ее, — произнес Лим, выдергивая пучки вылинявшей шерсти из-за ушей Репейника. — А я вот помню, что у Затки были карие глаза и острый нос, и что она пахла чернилами. И даже ее голос.

— У тебя всегда была отличная память, — раздалось позади. У лестницы стояла Тис, одетая в расшитый золотой нитью белый кафтан со знаком двух лун на груди. Угольно-черные

волосы, часть которых была заплетена в косички у висков, спускались до поясницы. Синий свет алионита делал ее кожу мертвенно-бледной.

— А ты опять подкрадываешься, — спокойно ответил Лим, продолжая выщипывать Репейника. — Как будто меня это должно напугать.

— Подкрадываюсь, неужели? — Тис улыбнулась и подошла к Грозе. — Как она, идет на поправку?

Лим кивнул:

— Думаю, завтра Тала уже сможет поднять ее в воздух.

Гроза тихо курлыкнула и прижала голову к Тис.

— Пока ты был на охоте, к нам залетел почтовый, передал послание от родителей, — тихо заговорила правительница, поглаживая зверя рукой в черной перчатке. — Хуро я уже рассказала.

— О! — Лим замер. — И что там?

— Они пишут, что надолго ушли в море. Просили навестить их ближе к осени. — Тис отошла от Грозы. — И они очень хотят, чтобы в этот раз мы были все втроем.

«Этого еще не хватало», — беспомощно подумал Лим. Он любил родителей, но не терпел встречаться с ними вместе с братом и сестрой. На их фоне он казался таким же никудышным, как последний грифончик из кладки, обычно самый чахлый и мелкий, каким был Пепел, когда появился на свет.

— Не выйдет, Тис, — пробормотал Лим. — Если весна такая, то что будет осенью? Лучше бы мне дожждаться тепла, прежде чем оставлять зверей надолго. Но вы летите, конечно, а я навещу родителей уже следующей весной.

Тис покачала головой:

— Мы с Хуро обязательно полетим в Причал, но ты уже будешь ждать нас там.

Лим подошел чуть ближе к сестре, надеясь уловить хотя бы тень улыбки.

— Ты о чем?

Она вздохнула, положила руку ему на плечо и внимательно посмотрела в глаза. Золотые ободки вокруг ее зрачков поблескивали в свете алионита, и выражение лица, к ужасу Лима, оставалось серьезным.

— Послушай, мы с князем Фильданом и остальными замыслили одно дело, — начала Тис. — Хотим, чтобы часть всадников не летала в города по прошениям, а постоянно находилась хотя бы в нескольких поселениях. Чтобы понять, скольких следует отправить, мне нужно больше знать обо всем, что происходит на севере и на юге. И знать наверняка, а не со слов князей. Ты мне в этом поможешь.

— Нет, — отрезал Лим, отшатнувшись от сестры. — Я не могу бросить грифонов. Поручи это Аффи, если уж решила, или Тале, или...

— Лим, это не обсуждается, — Тис слегка повысила голос. — За грифонами приглядят Эд и Рылый, как и все годы до этого. Твоя голова для гильдии сейчас стократно важнее, чем руки.

Лим зажмурился, пытаясь успокоиться.

— Ладно, — проворчал он, но тут же исправился. — Нет, не ладно, погоди! Думаешь, я облечу весь континент в одиночку? Тис, это займет уйму времени. Ты что, хочешь таким образом изгнать меня?

Растревоженная голосами Ворона защелкала клювом и, подняв облако из сена, прыгнула с выступа и вылетела из Гнезда, прошелестев крыльями у них над головами. Тис даже не шелохнулась.

— Не совсем. Аффи отправится на север, а ты — на юг. Если Гроза будет хорошо себя чувствовать, летом Тала к тебе присоединится. — Тис подошла к Северу и взобралась на него — она была одной из немногих в ордене, кто умел летать без седла и поводьев, управляясь со

зверем одними лишь знаками и ошейником. Грифон потянулся и поднялся на лапы, готовый взлететь по первому указанию. — Я не выпроваживаю тебя насовсем, а отправляю на важную миссию. Завтрашний день потратить на сборы и передачу дел, а если подобное тебе не по силам — оставайся, но не забудь сменить кафтан на черный.

Тис дважды хлопнула Севера по лопатке, и он взмыл в воздух. За пару мгновений грифон преодолел расстояние до стены и исчез в ближайшем проеме, махнув на прощание длинным хвостом с пучком перьев.

Лим опустился на оставленное на полу седло Репейника и раздосадовано стукнул кулаком по колену. В черном ходили рабочие гильдии, в сером — совет и всадники, в белом — правители и наследники. По положению Лиму полагалась черная одежда, но Тис и Старик согласились, чтобы он прошел испытания наравне со всадниками и получил серое облачение. Кафтан, ради которого он столько заучил и переписал увесистый фолиант «Минувших времен», сейчас казался Лиму тесным тряпьем из грубой колючей шерсти.

«Так и знал, что добра сегодня можно было не ждать».

Глава 3. Омут

— Утренняя трапеза! — прогремел по коридору гулкий и протяжный голос домовладелицы. Дэль тут же отдернула руки от холщового походного мешка, словно он мог раскрыть ее замыслы соседям. Она даже не зажигала свечу, и свет в комнате давало только окно, пыльную занавеску которого Дэль заправила за торчавший из трухлявой стены загнутый гвоздь. Камин, оплетенный мраморными цветами, затух пару часов назад, и исходившее от углей тепло уже не прогревало комнату, но из-за внутреннего трепета Дэль этого почти не ощущала. Сегодня вылазка к костям должна была стать особой. Дэль собиралась увидеть сокрытое гладью Омута, чем бы это ни обернулось.

— Вережка, сменная одежда, — зашептала она, загибая пальцы, когда шаги домовладелицы затихли, — хлеб, фляга с водой, ларчик.

Дэль кивнула сама себе, нервно поправила красное нитяное ожерелье и затянула завязки мешка, оставив один угол ларчика для трав на виду: этого обычно хватало, чтобы отделаться от расспросов о том, куда она идет. Домовладелица Липа, соседи и другие жители Омутков все еще не привыкли к знахарке настолько, чтобы не замечать ее. Дэль пришла в деревню три полнолуния назад, и за все это время от тракта к Омуткам не спускался ни один путник. Колючий Яр, город детства, и Глубокий Колодец, где Дэль постигала мастерство знахарей, были наполнены людьми, шумом, движением. В Омутках жизнь словно остановилась, и даже другие постояльцы дома, в котором Дэль снимала комнату, не торопились уезжать. Неудивительно, что местные с интересом следили за каждым новым лицом.

Дэль аккуратно отделила передние светлые пряди гребнем, а остальные волосы, киноварно-красные, собрала в пучок, прикрыла косынкой и туго ее завязала. На плечи она набросила серый плащ со времен академии, порядком потертый и покрывшийся затяжками. Мешок, который обычно носили на спине, Дэль закрепила на посохе: так снаряжались в лес местные, и она быстро переняла эту привычку, стараясь прикинуться своей. Деревенские относились к ней с уважением, домовладелица тоже, и знахарка впервые за долгое время чувствовала себя наравне с обычными людьми, не опасаясь недобрых взглядов или, того хуже, рукоприкладства. Ей хватило этого в Колючем Яре: Дэль единственной из семьи не повезло уродиться в прабабку Амлию с красно-белыми волосами, и это становилось поводом для нападок со стороны соседских мальчишек. «Зато я больше знаю», — твердила Дэль, обрабатывая свои ссадины крепкими отварами или вычесывая из ненавистных волос куски гнилых овощей. Амлия действительно многое успела передать Дэль до своей смерти. Старушка рассказывала ей о том мире, откуда пришла сама, наполненном невиданными здесь животными, людьми с двуцветными волосами и приспособлениями, позволявшими человеку погружаться на невиданные глубины и двигаться быстрее любого вола.

— Консорин... Там теперь нет жизни, — шептала прабабка, пока Дэль натирала воспаленные костяшки на ее сухих пальцах пахучими мазями. — Наверное, ничего уж нет. А здесь сохранились только кости, и мы — лишь тени их, но и нам суждено однажды пропасть. Так хотя бы не забывай... Никогда не забывай, откуда ты на самом деле.

После этих разговоров Дэль всегда плакала, зарываясь лицом в подушку. Ей было жаль и старушку, и себя, и всех людей мира, обратившегося в пустоту. Когда прабабка ушла к Светлым, Дэль спрятала все ее записи и зарисовки в сундук, который оставила в Колючем Яре перед отъездом в академию, чтобы родители не выбросили их за ненадобность. Во время учебы она часто погружалась в свои мысли, вспоминая каждый рисунок и строчку, полученные в наследство, и так и не смогла почувствовать себя своей ни среди однокурсников, ни среди горожан. Что-то звало ее в Консорин, и зов этот становился с каждым днем все громче.

Дэль спустилась на первый этаж, где грузная домовладелица уже разливала жидкую пшенку по тарелкам, а пара соседей делила большую лепешку с сыром. Перекинувшись с ними приветствиями, Дэль выскользнула из натопленного и пропахшего подгоревшим маслом дома в промозглое утро. От крыш домов поднимались струйки дыма, по улицам уже важно расхаживали стайки гусей и куриц, а со стороны околицы раздавался стук топоров. Стараясь не попадаться на глаза просыпавшимся жителям Омутков, Дэль пересекла деревню и вышла на поляну, за которой начинался лес.

— Хоть бы к полудню потеплело, — прошептала Дэль, на ходу вглядываясь в серое небо и плотнее запахивая плащ. Спустя время руки стали побаливать от холода, а кожу на них начало стягивать. Цыпки — не лучшие спутники знахаря, но Дэль не могла заставить себя носить перчатки: они ощущались как путы, забирающие у пальцев ловкость при работе. Она бы не носила и красного ожерелья, противно стягивавшего шею, если бы это не было знаком ее принадлежности к знахарям.

Весенний лес окружил Дэль травянистыми влажными запахами и стрекотом жуков. Вдалеке слышалось многоголосое тьяканье стаи шакалов, деливших ночную добычу, клекот коршунов и тихое мычание волов, тащившихся по тракту. Дэль не раз поскальзывалась на вступенной из-за толстых корней лесной подстилке, и эта вылазка не стала исключением. Прошло не меньше часа, когда за старым дубом, крона которого расходилась широким куполом, показали края оврага. Он тянулся почти на половину версты, пересекая лес, словно глубокий шрам, оставленный временем, и был завален гниющими деревьями, когда-то рискнувшими вырасти слишком близко. Дэль осторожно поползла вниз, стараясь не попадать ботинками на вязкие глинистые участки.

— Порядок, — выдохнула она, опустившись наконец на твердую землю, и повесила мешок на выступавший из рыхлой стенки корень. Помогая себе посохом, Дэль направилась к самой отвесной части оврага, где зияла трещина шириной в полтора локтя, незаметная чужому глазу за буреломом. Это был проход в пещеру, который Дэль смогла отыскать лишь пару лет назад, когда их наконец начали отпускать на долгие прогулки за стены Глубокого Колодца. Прабабка рассказывала, что ящер издох под землей после нескольких дней в этом мире, и движения могучего тела обрушили края оврага, почти скрыв когда-то широкий проход. Тем лучше: найди кости кто-то несведущий, торговцы наверняка растащили бы их на амулеты, лишив Дэль единственного доказательства ее истинной природы.

Она протиснулась через проход, оставив посох воткнутым в землю, и легко спрыгнула на каменную площадку. Пробивавшийся через трещину свет выхватывал из темноты ставшие уже привычными очертания огромного черепа, принадлежащего, как могло показаться, то ли ящернице, то ли змее, если бы они могли дорасти до размера добротного дома.

— Светлого утра. — Дэль прикоснулась кончиками пальцев к шершавой драконьей кости. Ящер, чьи крылья когда-то распростерлись над Нокорадой, спал в пещере беспробудным сном, забытый всеми, кроме знахарки, рожденной от крови людей его мира. Прабабка говорила, что назвала ящера Абургатом, в честь своего кота, и что при жизни белую чешую дракона покрывали рыжие и черные пятна. Но рисовать Абургата старушка отказывалась, сколько бы Дэль ее не просила.

— Я сегодня попробую попасть домой. — Дэль подняла валявшийся около черепа кривой обломок клыка величиной с ладонь и отправила его в карман плаща. — Приглядывай за мной, если Светлых там не будет, хорошо?

Дэль замолчала, рассматривая кости. Подумать только — когда-то ее предки поднимались в небо на спинах подобных Абургату созданий, и это было столь же привычно для них, как для жителей Нокорады тащиться по дороге на сонном воле. Дэль вновь охватила странная ноющая тоска по полету, которого она никогда не знала. Изредка к Дэль приходили сны, в которых она видела, как где-то внизу проплывают потемневшие от старости крыши Омутков

и Колючего Яра, засеянные пшеницей поля, кажущиеся ручейками реки, но с рассветом эти образы покидали ее, бросая на опостылевшую землю.

— Подайся я сразу в гильдию, — бормотала Дэль, покручивая ожерелье на шее, — летала бы на грифоне, а не ползала по лесу с ларчиком. Только какая из меня всадница, Абургат? Они стольким вещам научены, а я не знаю даже себя.

Когда Дэль добралась до Омута, округлого озера за кромкой леса, солнце уже достигло середины неба. Она оставила мешок с одеждой в кустах, уселась на молодую траву и опустила руку за кромку берега. Дна не было видно: глубина начиналась сразу, и потому местные побаивались этого места и не пускали к нему детей. Застывшая зеркалом на безветрии вода оказалась не такой ледяной, как ожидала Дэль, но все же совершенно не подходила для купания. Обветренную кожу тут же стянуло колючей болью, и чем сильнее она становилась, тем меньше в Дэль оставалось уверенности. С чего она вообще решила, что сможет пройти через брешь между мирами? В груди засвербела обида на собственную нерешительность. Ответы были так близко, но страх за жизнь сдерживал не хуже оков. Дэль достала из кармана драконий зуб и провела по нему еще мокрыми пальцами, оставляя следы на поверхности.

— И что теперь, ждать лета? За это время можно всю смелость растерять.

Брешь, по словам Амлии, располагалась аккуратно посреди Омута, и именно через нее они вместе с прадедом Касом когда-то вылетели сюда на спине Абургата. Мир по ту сторону старушка звала Консорином, и на ее родном языке это означало «край сотни огней». Многого об этом Дэль не знала, потому что каждый раз, когда разговор заходил о бреши и причинах, по которым дракону пришлось через нее пролететь, прабабка меняла тему. Обычно она начинала рассказывать о прадеде, которого Дэль уже не застала. Кас состоял в Гильдии грифоньих всадников. Каким образом Кас оказался в ее мире Амлия говорить отказывалась, и этим лишь распаляла любопытство правнучки. Дэль была уверена, что если предки смогли пройти через брешь, то удастся и ей, только совершенно не представляла, что для этого требовалось. Никаких ответов в записях Амлии она не отыскала, и надеялась, что сама догадается или почувствует, когда настанет подходящий момент. И вчера, только вчера это ощущение поселилось в ней. Значит, оно было обманчивым?

— Да что б тебя! — рявкнула Дэль и швырнула клык в озеро. Вода разошлась, зарыбила, а потом вновь разгладилась, поглотив частичку дракона. Нитяное ожерелье жгло кожу, косынка неприятно сдавила виски. Дэль сорвала ее с головы и уткнулась в жесткую ткань лицом. В небе громко заклекотал коршун, словно смеясь над знахаркой, сжавшейся в горестный комок посреди немого леса.

Раздался всплеск и глухой шлепок — какая-то крупная рыбина ударилась о воду. Дэль подняла голову, устало обвела взглядом предавшее ее надежды озеро, и тут услышала гул, какой обычно бывает в печных трубах во время сильного ветра. Еле различимый, но странно притягательный и вместе с тем жуткий. Дэль поочередно прикрыла уши, пытаясь определить, откуда идет звук, и тут поняла, что у нее саднит горло. Слюна стала нестерпимо кислой. Кусты и деревья потеряли четкость очертаний, и Дэль начало казаться, что она очутилась на странице книги, и все окружавшее — не более чем картинки из-под пера переписчика. Мгновение спустя мир почернел.

Дэль подхватило ветром и понесло куда-то, будто сорванную былинку. Невидимые руки сжали ее, не позволяя ни вдохнуть, ни закричать. Наваждение исчезло, когда она ощутила вокруг себя прохладную воду. Дэль открыла глаза и поплыла к берегу, судорожно хватая воздух наконец раскрывшимися легкими. Спасение оказалось не так далеко, и вскоре она уже выбралась из озера, с трудом переставляя затекшие усталостью ноги. Дэль свернулась на траве. Каждый мускул лихорадочно дрожал, в груди грохотало, голова кружилась, а мыслей было так много, что ухватиться хотя бы за одну было невозможно.

— Успокойся! — приказала Дэль себе, прежде чем непрошенная слеза скатилась по ее щеке.

Некоторое время она провела без движения, направив все внимание на то, чтобы восстановить дыхание. Когда Дэль собралась с силами, она приподнялась на локте и огляделась. Озеро перед ней осталось неизменным, но рядом появились увенчанные коричневыми щетками растения, названия которых знахарка не знала, а деревья и кусты исчезли. Было тепло, даже жарко, словно весна вдруг уступила место лету. Сбросив ставший тяжелым плащ, Дэль встала и тут же сдавленно вскрикнула.

Вокруг насколько хватало взгляда расстилалась безмолвная поросшая травой степь. В версте от озера виднелись очертания огромной горы, напоминавшей длинный острый коготь, черный, как кусок угля. Не было слышно ни криков птиц, ни звона насекомых, только гул, ставший здесь низким, словно он исходил из глубокой бочки. На безоблачном небе горели сразу два солнца: одно ярко-желтое, а второе — цвета медной монеты. Дэль представилось, как по этим небесам скользит Абургат, и лучи двух солнц играют на его чешуе.

— Мы дома, — прошептала она, не веря своим словам. — Мы наконец-то дома!

Глава 4. Колокольчики

Тала хлопнула Грозу по лопаткам, и та, довольно заклекотав, взмыла еще выше. Полуденное солнце было необычно блеклым, но все же от него на глазах выступили непрошенные слезы. Гроза слишком много дней провела в Гнезде, и Тала отвыкла от яркого света, который бывает только вблизи облаков. Она сдернула с волос уже порядком истрепавшуюся тесьму и ветер тут же заскользил по рыжим прядям холодными потоками. Рядом пронесся серо-черный всполох — Хуро верхом на Рыбке старался не отставать. Грифоны сделали пару кругов над небольшим ручьем, журчащим между пролесками к востоку от Предела, и опустились на берег. Рыбка тут же принялась жадно пить, потрясывая хвостом.

— Что скажешь? — Хуро спешил и подставил Тале руку. — Не застоялась твоя подруга за время болезни?

— Как будто ты сам не видел, — Тала стянула перчатку и щелкнула его по носу. — Вы с Рыбкой за нами едва поспевали.

— Не сравнивай. Гроза по-другому сложена, да и Рыбка уже не молода.

— Ну-ну, опять отговорки!

Хуро забросил ее на плечо и закурил. Тала залилась смехом, в котором даже сама различила призвуки колкой грусти. Им нечасто удавалось остаться наедине, да и те редкие моменты отравляли страхи. Заметь кто-то, что Хуро милуется с ней, рожденной в семье обнищавших вельмож, лишившихся титула... Нет, наследнику гильдии полагалась другая невеста, со светлым прошлым и ясным будущим. И все же они любили друг друга уже полжизни, с того момента, как Талу привела в гильдию тетка. Хуро верил, что, когда Лим станет наследником, совету не будет никакого дела до того, кто станет женой Хуро. Но божеества решили иначе.

— Ты тихий. — Тала пригладила его темные волосы, растрепавшиеся от полета.

— Разве? — Хуро опустил ее на землю, бросил на траву свой кафтан и уселся на край. Тала расположилась рядом. — Пожалуй, устал с дороги.

— Что сказали тебе лекари? — осторожно спросила она. — С Тис все будет хорошо?

— Сам не знаю, — холодно буркнул Хуро. — Я добрался до Яшменного Перелива, говорил с травником Гроубом. Местные мне клялись, что он куда искусней остальных. — Он замолк, словно подбирая слова. — Гроуб сказал, что с похожим недугом к нему приходил стражник из Серебряного Города, но долго не протянул.

Тала прижала руку к груди, ища пальцами оставшуюся от матери родовую подвеску, и вместе с ней почувствовала под тканью кафтана желтый кристалл, который Хуро подарил ей минувшим вечером. Так вот откуда был этот кулон — из Яшменного Перелива! Она и не подозревала, что Хуро летал так далеко, чтобы добраться до правды. До правды, оказавшейся хуже неведения.

— Думаешь, у Тис та же хворь?

— Понятия не имею. — Хуро устало пожал плечами и нахмурился. — Еще бы Тис отнеслась к этому серьезно. Я принес ей ликритонис, а она устроила мне взбучку за то, что без ее дозволения летал в Яшменный.

Тала слегка отодвинулась, заглядывая ему в глаза. Они были такими же, как у Тис: черными с золотым ободком вокруг зрачка.

— Хуро, ты все сделал правильно. Пойми, болезнь, да и отправка Аффи с Лимом... Я уверена, Тис прислушалась к тебе, просто отреагировала так от усталости. Не держи на нее зла.

Хуро выдернул пучок молодой травы и принялся рвать ее на мелкие кусочки.

— Или она просто не доверяет мне? — Он резко поднялся и подошел к Рыбке, делая вид, что проверяет седло. Тала молча ждала, позволяя ему успокоиться.

— Я только и делаю, что шатаюсь по городам и заверяю то, что нам и так были готовы дать. В моем возрасте Тис уже управляла гильдией, а князья прислушивались к ее словам, — продолжил Хуро.

— Ты забываешь, что Тис готовили к роли правительницы с самого рождения, — осторожно ответила Тала. — Она и не видела другой судьбы для себя. С тобой все иначе.

Он продолжил перестегивать подпругу, но хотя бы не возражал.

— А что Лим? Может, к вам двоим она прислушается?

Хуро смущенно потер шею, и снова обрел привычный вид, растеряв неподходящую ему раздраженность.

— Вообще-то, мы с ним об этом не говорили. И сам он перемен у Тис еще не заметил, раз не пришел ко мне.

— Хуро...

— Я знаю, что ты скажешь, — бросил он. — Прошу, не начинай вслед за Стариком восхвалять его, иначе совсем сникну. — Он вновь уселся на кафтан рядом с ней, виновато сгорбился и отвернулся. — Мне не хотелось тревожить Лима перед отправкой на юг. Сама понимаешь, у него бы тогда появилась веская причина никуда не лететь.

— И Тис бы этому не обрадовалась, — протянула Тала. — Давай пойдем к Лиму сегодня вечером? Расскажи все, а я постараюсь сделать так, чтобы он не вцепился в Предел мертвой хваткой.

Хуро неуверенно вздохнул, но наконец кивнул.

— Я и сам уже собирался. По крайней мере, допускал мысль об этом.

Тала улыбнулась и крепко поцеловала его, взъерошив волосы. Через пару минут Рыбка уже скрылась за облаками — Хуро возвращался в Предел. Тала какое-то время смотрела на переливающееся бледным сапфиром небо, а затем свистнула Грозе.

— Пойщем черновник. — Тала ласково почесала питомцу под клювом. — Не с пустыми же руками идти в гости.

Гроза, хоть и не поняла ни слова, согласно чирикнула и побрела вслед за хозяйкой к деревьям неподалеку от ручья. Тала сняла с седла сумку и забросила себе на плечо, щурясь от пробившегося наконец через облака солнца. Черновник любил эти места: буро-зеленые лозы оплетали многие деревья в окрестностях Молчаливого Предела. Поспевающие сразу после окончания осени ягоды на вкус были терпкими, от них вязало во рту, а на языке появлялось темное пятно, сходящее несколько дней, но гильдии выбирать не приходилось. Не зря Предел звался Молчаливым: на версты вокруг не было ни единой деревушки и не проходили тропы торговцев или дороги, по которым проезжали караваны. Провизию гильдия получала в дар или покупала в городах и деревнях, и лишь мясо приносили грифоны. Забрасывая в сумку новую горсть ягод, Тала мимолетом подумала, что черновник в этом году очень уж разросся. «Значит, лето обещает быть холодным, а осень — неурожайной. Надо бы рассказать об этом».

После возвращения в замок Тала, оставив Грозу греться на площади, забежала на кухню и поделилась с кухарями ягодами и своими наблюдениями. Барг, усердно замешивавший тесто на пироги, только отмахнулся.

— И без черновника ясно, что год будет пустой. У нас припасов хватит. — Он стряхнул с рук муку и, обтерев их о передник, достал из еще не полностью разогретой печи горшок, наполненный пирожками с сушеной клюквой, пахнущий маслом и медом. — Ты лучше вот, отнеси-ка Старiku, а то опять будет ворчать.

Радаг Мон, которого все звали Стариком, уже как два года жил в комнате под покоем Тис, чтобы ему не приходилось проделывать долгий путь по лестницам во время созыва совета, где он заседал как бывший правитель Предела. Предки Старика на протяжении пяти поколений занимали главное кресло за столом, и Радаг стал единственным из рода, кто по своей воле отказался от правления, и первым долгоживущим. Когда Тала зашла в покои, Старик,

как обычно завернувшийся в теплый плащ, непринужденно обмахивал пачкой листов очередную страницу переписанной рукописи, помогая чернилам просохнуть. Остальным так делать строго-настрого запрещалось, но Радаг был из тех, кто с легкостью нарушает правила. Поговаривали, из-за этого Старик когда-то и лишился правого глаза, ответив одному из князей слишком дерзко. Сам Радаг отшучивался, что неудачно приземлился в лесу, прямиком на ветвистое жардрево. Так или иначе, на его лице красовалась повязка из черной кожи. В этом году Радагу исполнилось сто тридцать семь лет, и для такой глубокой старости он сохранял удивительную бодрость и не утратил едкого характера, который унаследовала Аффи — она была его правнучкой.

— Спасибо, девочка, — проскрипел Старик, заметив в руках Талы горшок с пирожками. — Поставь на стол, я примусь за них, когда закончу. — Он высвободил изо рта попавший туда ус и пригладил длинную бороду. Его седые волосы сбились в нечесаное гнездо, и со стороны Радаг походил на одного из безумных старцев, обычно занимающихся знахарством в небольших деревнях.

— Я слышала, Лима и Аффи отправляют на важную миссию, — начала Тала. Неплохо было бы перед встречей с Лимом узнать побольше. — Они заходили к вам за советом?

К счастью, Радаг любил разговоры почти так же, как пироги. Он хрипло усмехнулся, нахмурил кустистые брови и хитро глянул на нее, сразу утратив интерес к рукописям.

— Как же! Лим вчера битый час жаловался, стоя на том месте, где ты сейчас. — Старик откашлялся и вынул из горшка румяный пирог. — Мальчишка умен, но ему недостает напора и послушания, когда требуется. Матушка отправляла меня на миссии, так я и пикнуть не смел супротив ее слов, и сам правил жесткой рукой! А тут надо же...

Тала на мгновение испугалась, что за этим последует очередная длинная история из времен юности Радага, но, похоже, настоящее занимало его больше прошлого. Старик отхватил кусок пирога, причмокнул и разгладил бороду.

— Аффи, хоть и несносная, а все же сочла за честь, что ей это поручили. — Он довольно улыбнулся. — Моя кровь, что тут говорить. Если хочешь знать, я думаю, они оба справятся. Эта затея со всадниками в городах — ерунда, наше место здесь и только здесь, но люду будет не лишним напомнить, что мы — глаза и руки Светлых.

— Понимаю. Аффи наверняка это по силам, — Тала помедлила. — Только за Лима я беспокоюсь: ему ведь раньше не поручали долгие миссии, а тут — почти год за стенами Предела.

Радаг вновь усмехнулся, на этот раз раздраженно.

— Сам знаю, что не поручали. И зря! — Он отложил надкусанный пирог в сторону, заляпав клюквенным соком чистую бумагу. — Я бы беспокоился, останься он здесь. Тала, если птенец не справится со страхом, он никогда не взлетит, а если не взлетит — издохнет. Это суровый закон, но он рождает сильных. — Старик наконец заметил растекшуюся по столу начинку и раздосадовано крякнул. — А теперь ступай. И не смей жалеть Лима, не то он так и останется просто птичником в сером кафтане.

Вечером пригнанные ветром стада кучерявых туч разразились дождем. Ручейки, образующиеся из луж на площади, с тонким звоном срывались с высоты через отверстия в Перстне, и этот звук разносился по всему замку. Справившись с ужином из ячневой каши с вяленой говядиной, гильдия разошлась по комнатам. Лима среди людей за столом не было. Его комната находилась почти в самом низу жилого крыла, путь к ней пролегал через четыре площадки, и Лим часто пропускал вечернюю трапезу, не утруждая себя проделывать подъем до столовой после дня в Гнезде. Вход в комнату скрывался за давно прогнившей дубовой дверью. Мастера каждый год предлагали заменить ее, но Лим только отмахивался: он, в отличие от Хуро, ненавидел тратить деньги гильдии. Тала трижды ударила открытой ладонью по слегка скользкой древесине.

Внутри было тепло: стоявший у изголовья кровати кристалл алионита, весь день пробывший на свету, дышал жаром, источая от граней тусклый голубоватый свет. Лим сидел за старым столом, уставленном коптящими желтыми свечами. Напротив него лежала толстая книга, раскрытая почти на середине. Приютившийся в углу комнаты сундук темнел опустевшим нутром: все указывало на то, что Лим провел этот вечер в сборах.

— Лунной ночи. — Тала улыбнулась и подняла сумку, по дну которой уже расплзались темные пятна от сока раздавленных ягод. — Примешь нас?

Лим прищурился, склонив голову, и огоньки свечей отразились в его угольно-черных глазах, на миг сделав их похожими на глаза Тис и Хуро. Шрам на щеке неприятно выделился, подчеркнутый тенью.

— Это черновник? Если да, то с удовольствием.

Хуро уселся прямо на кровать и устало потянулся, привалившись спиной к подушке. Похоже, начинать разговор первым он не собирался. Тала поставила сумку прямо на стол.

— Осторожней, не запачкай! — Лим тут же отодвинул фолиант подальше.

— Прости. — Тала обошла его и заглянула в книгу через плечо. — Что читаешь на этот раз?

— «Предания народа на континенте и островах» правительницы Ифиль. — Лим поднял фолиант и передал его Тале. — Старик как раз закончил переписывать для отправки в Туманный Двор, а я решил проверить, все ли на своих местах.

— Как будто тебе не хватает работы в Гнезде, — протянул Хуро, и Лим в ответ недовольно поджал губы.

Тала захлопнула сундук и устроилась его оббитой железом крышке с книгой. Сейчас Лим ответит на едкость Хуро, расспросит его про полет в Травяной Перевал, и уже потом, если на то будет воля Светлых, они перейдут к сути. Тогда-то нужно быть начеку. Тала открыла фолиант на случайной странице. Слова, выведенные аккуратной рукой Старика, походили на колья в добротно собранном заборе.

«В Лесных Копях бытует сказание о Бирюке, злобном чудовище, подобном человеку, и обитающем под землей. Поверия эти, без сомнения, родились из страха местных перед темными пустотами, разросшимися под городом. Гибель мастеров в них — не редкость. Жители Лесных Копий полагают, что, если Бирюка не задобрить подношениями, он пожрет первого попавшегося мастера, а затем непременно учинит пожар и будет перескакивать с дерева на дерева, разнося пламя за собой».

Тала невольно поежилась. Она уже давно не читала этих рассказов, и если в детстве они казались забавными байками, то сейчас вызвали смутное чувство опасности. Изображение Бирюка, которое Старик скопировал со старого фолианта, красовалось рядом с текстом: коренастый человек с руками ниже колен, крупным лбом и раскрытой пастью с клыками, из которой вырывались языки пламени. Удивительно, что народ продолжал верить в подобные ужасы даже под взором двух лун. Жрецы учили, что ни одна темная суть, порожденная прежними людьми, не пережила появления Светлых. «Но лунного света в подземельях под Копями нет».

— И этот клятый Перевал воняет чесноком, — пробился сквозь мысли Талы недовольный голос Хуро. — Они добавляют его во все, даже в сладости, можешь себе представить?

— Вполне, — задумчиво проговорил Лим, похрустывая ягодами. — Чеснок защищает от дурного кашля. Травяной Перевал населен густо, а погода сейчас такая, что разболеться проще простого. Наверное, стараются не допустить поветрия. Нам бы тоже этим озаботиться, ты так не думаешь?

— Я думаю, что соглашусь полететь туда снова только в день, когда их чесночные грядки иссякнут.

«Жители юга континента, кои всегда питали слабость к сочинительству дурных историй о духах и иных обитателях незримого мира, рассказывают о встречах со Странниками».

Несмотря на некоторые различия в описаниях, сходятся они в одном: это мужчина и женщина, чьи лица скрыты под капюшонами или нераспознаваемы для человеческих очей. Они де бродят по дорогам, и встретить их можно в часы перед закатом или рассветом. Крестьяне верят, что Странники могут помочь советом, но просить об этом надлежит почтительно и не обижаться на отказ. Схожие рассказы есть и у жителей севера, но там Странников зовут Пришлыми и считают скорее предвестниками непогоды, чем помощниками в делах. В поселениях центра континента историй о Странниках или Путниках не складывают. Можно предположить, что поверие это родилось из искаженных представлениях селян о Светлых и неверного трактования образов божеств».

— Что? — голос Лима прозвучал резче обычного, и Тала вынырнула из текста. — Почему ты говоришь об этом только сейчас?

— Спокойнее. — Хуро сидел на кровати, вытянувшись, подобно струне, и постукивал пальцами по колену. — Я просто решил поставить тебя в известность перед миссией. Мало ли, что получится узнать на юге.

Лим устало потер глаза, словно с самого утра переписывал что-то особенно сложное.

— Вот уж спасибо. — Он поднялся и прошелся по комнате, заложив руки за спину. — Только теперь не будет никакого юга. Побери меня тьма, если я оставлю Тис на тебя.

— Не начинай. — Хуро умоляюще глянул на Талу. — Тис не хотела, чтобы я болтал об этом. Даже с тобой.

— Как будто мне есть до этого дело! — вспыхнул Лим. — А если что-то случится, пока я болтаюсь по городам? Да я лучше в черный кафтан обряжусь, чем буду жить от письма до письма.

Тала со вздохом закрыла фолиант.

— Лим, — позвала она. — Напомни, какое место ты занимаешь в гильдии?

Он замер, освещенный тревожно мерцающим светом алионита.

— Я — птичник. — Лим прислонился к стене и сложил руки на груди, внимательно глядя на Талу. — Что с того? Таким, как я, теперь нельзя беспокоиться о своей семье?

— Этого кодекс не запрещает. — Тала покачала головой. — Но он устанавливает правила подчинения, и в твоем случае оно должно быть беспрекословным. Что подумает гильдия, когда ты откажешься от миссии? Какую тень это бросит на Тис?

Лим прикусил губу и понурил голову.

— Посмотри чуть дальше собственных страхов, — продолжила Тала. — И хорошенько подумай, какие последствия будут у твоего повиновения им. Им, а не воле твоей правительницы.

Из коридора донесся едва различимый звон колокольчиков, примешивающийся к шуму дождя.

— Ладно, — пробормотал наконец Лим. — Ты снова права.

— Нечего переживать раньше времени. — Тала подошла к нему и похлопала по плечу. — Мы не знаем, насколько тот травник был прав. А ты и впрямь можешь найти на юге кого-то сведущего.

— Кстати! — Хуро достал из набедренной сумки толстую тетрадь в кожаной обложке и положил на кровать рядом с собой. — Привез тебе для записей из Яшменного Перелива. Аффи тоже такую получила.

— Спасибо, брат, сейчас не до тетрадей. — Лим нахмурился. — Так ты знал, что меня отправят?

Звон усиливался. Так могли звучать только колокольчики на рукавах дозорных, но с чего бы дозорным расхаживать по замку в такое время?

— Знал с самого начала. Мы вместе летали к князю Фильдану, и я слышал, что они обсуждали. — Хуро задумчиво почесал затылок. — Это было еще до Затмений.

— Хуро, клянусь Светлыми...

— Тихо! — Тала подняла руку. — На лестницах какой-то звон.

Братья замолкли.

— Ничего не слышу, — подал голос Хуро. — Дозорные бы всех уже перебудили.

Звон стал громче, и теперь словно исходил от самих темных камней Предела. Тала распахнула дверь. Холодный воздух коридора ворвался в комнату вместе со сквозняком, потревожившим плотные занавески на окне. Площадка перед дверью была пуста, и наваждение сгнуло вместе с огоньком на масляной лампе, висящей напротив.

— У тебя руки трясутся. — Лим выглянул в коридор вслед за Талой. — Все в порядке?

— Да, — растерянно произнесла Тала, вглядываясь в темноту. — Померещилось, наверное.

«Предсказания не одобряются жрецами, ибо многие ведуньи устрашают люд сказками, достоверность коих проверить не удастся. Однако по сей день некоторые заявляют о своей способности чувствовать то, чему только предстоит случиться. Некоторые связывают сие явление с чистым серебром, якобы дающим человеку связь со Светлыми, да только чистого серебра в мире почти не осталось, разве что в домах особенно древних родов».

Глава 5. Наследник

— Ворота останутся закрытыми до тех пор, пока пелена не рассеется. Я, кажется, ясно выразилась, господин Деннон, — проговорила городничая Дардана, не сводя жутковатых серых глаз с сидевшего напротив казначея. Деннон, худощавый мужчина лет пятидесяти с начисто обритой головой, нервно заерзал на кресле, от чего монеты на его воротнике — золотая, серебряная и медная — звякнули друг о друга. В палатах Городского собрания, хоть в них встречались сегодня лишь три человека, стояла духота, созданная двумя большими очагами, но окна открывать не решались. Солнце, пробивавшееся сквозь стекла, делало и без того светлые мраморные стены почти белыми, и от долгого взгляда на них болели глаза.

— А я выражусь яснее, — возразил Деннон. — Пока мы будем ждать, что проклятье от нас отстанет, житницы иссякнут. Вы сами видите, какая поганая весна! Если не начнем готовить запасы уже сейчас, то к осени можем остаться с пустым брюхом, и это убьет горожан раньше, чем пелена.

— Что вы предлагаете, Деннон? — Городничая скрестила руки на груди, и ее расшитый серебряной нитью черный мундир жалобно затрещал. — Отправить посланников на верную смерть? Те бедолаги из каравана пытались бежать, и что с ними стало?

— Вот именно! — Казначей хватил по столу ладонью. — Пелена догнала их, потому что караванщики полагались только на свои ноги. А ну как один из стражников попытается вылететь через ворота на грифоне?

Дардана покачала головой:

— Мы уже пробовали выпускать сокола через брешь на южной стороне, и птица даже на локоть не успела отлететь от стены. Грифон с земли поднимается куда медленнее. — Она кашлянула и промочила горло из расписного кубка. — Да и жертвовать еще одним, когда половина пропала — не лучшее решение.

— Здесь вопрос к страже, — недовольно протянул казначей. — И особенно к Алису, да поберет его тьма!

— Ваше высочество. — Дардана повернулась к Шану, и тот наконец ощутил, что тоже находится в палатах, да еще и во главе стола. — Доводы господина Деннона мне понятны, но риски слишком велики. Как городничая, я не одобряю его предложения.

Шан кивнул.

— Мы не станем открывать ворота, — произнес он, и Деннон не сдержал разочарованного вздоха. — Пока будем сдержанно использовать запасы, оставшиеся с прошлого года, а когда пелена пропадет, отправим караваны за снедью во все города. Даже в Каменный Причал, если потребуется.

— Это огромные траты, — возразил было казначей.

— Корона возьмет их на себя, — отрезал Шан, не в силах сдержать раздражение от недостатка воздуха. — Господа, если это все, я хотел бы вернуться к разбору прошений.

Подданные одновременно склонили головы — хоть в этом они сошлись — и спешно удалились из палат. Шан прикрыл глаза и прислушался к биению собственного сердца, пытаясь вернуть утраченное спокойствие. Он уже давно отвык от роли княжича, и все не мог уяснить, как правильно распоряжаться чужими жизнями. Собрание оказалось для него провальным, о чем явно говорило выражение, появившееся на лице казначея. Обитавшие во дворце вельможи с самого начала отнеслись к наследнику холодно, и Шан понимал, почему. Он был чужим в Серебряном Городе немислимые десять лет, а стоило вернуться — и над стенами появилась пелена. С тех пор Шан побывал уже на пяти собраниях, и ни одно из них не оставляло в нем хотя бы капли удовлетворения. Оттого он избегал встреч с вельможами, прикрываясь разбором

прошений как щитом. А прошения касались всего трех вопросов: открытия ворот, избавления от пелены и истощения прилавков. И ни с чем из этого Шану было не сладить.

Помышлял ли он, что однажды унаследует сапфировую корону? Когда Шантар появился на свет, были живы еще четверо его старших братьев. Спустя двенадцать лет их осталось двое: Моур и Смифар. Еще через год Моур умер от старости, и право на корону перешло Смифари, только перешагнувшему порог тридцатилетия и отличавшемуся крепким здоровьем. Потому-то Шан, стоило только ему достичь двадцатилетия, уехал из Серебряного. Годы пронеслись быстро — скитания с парой золотых в кармане, труппа бродячих артистов, женитьба на арфистке. Через два года у них с Лиль родилась долгожданная дочь, Яшма, светловолосая и голубоглазая как Шан. Он наконец начал верить, что сделал свой выбор не напрасно.

Летом тысяча восемьдесят пятого года Смифар погиб на охоте. Никто так и не узнал, чья рука держала арбалет, пославший болт княжичу в грудь. После этого князь Фильдан, пышущий удивительным для его ста тридцати лет здоровьем, сильно сдал. Он пережил пять жен и двадцать детей, но гибель Смифара прошла острым лезвием по едва затянувшейся за долгие годы ране от потери первенца. Княжна Райель, чье имя теперь носила главная улица города, тоже участвовала в охоте, и на исходе дня юную наследницу нашли в чаще леса со стрелой в сердце. После гибели Смифара поползли слухи о проклятье, которое нависло над родом Феряз. И острие этого проклятия смотрело теперь в сторону Шана.

Оставшись последним претендентом на сапфировую корону, он до последнего тянул с возвращением. Но когда у их дома в Озерном Береге приземлилась Буря с князем в седле, у Шана не осталось выбора. Долгая дорога отняла у Фильдана последние силы, и на обратном пути он едва держался в седле. А потом над городом появилась пелена, затянувшая его, словно крынку с молоком. Люди почти перестали выходить на улицы, грифоны отказывались взлетать, весь Серебряный поглотило безмолвие. Ноша, которую отец должен был передать Шану, рухнула ему на голову.

Шан распахнул наконец окно, впуская в палаты пахнувший гарью воздух, прошел в дальний угол и уселся за высокий стол из цельного белого камня. Обычно за ним работали писари, помечая решения, принимаемые вельможами и князем, но на советы со своим участием Шан писарей не приглашал, а стол определил под свои нужды. На нем лежали стопки прошений, печать с именем отца и банка с чернилами, украшенная отлитой из олова бычьей головой с направленными вперед рогами. Такой же бык изображался на монетах, которые печатали в Серебряном Городе, и сопровождал всем знаменам, развевавшимся на башнях дворца. Когда-то Шан считал, что бык — символ упорства и выносливости, которое пришлось проявить прежним людям при освоении этих земель. Теперь же понял: каждый в этих стенах вынужден тянуть тяжелый плуг обязанностей, подобно крестьянскому волю. Шан размял пальцы и взялся за очередное прошение. Работа обещала затянуться до темноты.

Огоньки ламп отражались в золотых коридорах дворца, создавая иллюзию того, что металл плавится, стекая по украшенным мозаикой стенам, пережившим не один род князей. Близилась полночь, и обычно сновавшая из зала в зал прислуга спала, как и большая часть стражников. Еще пару недель назад за подобное допущение главу стражи наверняка лишили бы звания, но сам он исчез, а остальные слишком сосредоточились на пелене и болезни князя, чтобы замечать бреши в охране дворца.

Шан выглянул в окно, пытаясь различить хоть что-то, кроме расположенных вблизи башен. С крупными жаровнями на вершинах, они напоминали огромные коптящие свечи. Плотная пелена не давала лунному свету проникать на узкие улицы, и город безмолвно и неотвратно тонул в ночном мраке. А вместе с ним шли на дно и души, которые княжеский двор должен защищать. Шан нервно пригладил светлую бородку и скрестил руки на груди. Ему не следовало оставлять Лиль с дочерью одних. Что, если Озерный Берег затянула такая же пелена?

Теперь этого было не узнать. Тела тех караванщиков наверняка еще оставались у ворот с той стороны, и повторить их участь никто не осмелится.

Двери покоев князя скрипнули. В коридор вышла высокая беловолосая старуха в серебристой мантии. Она подняла на Шана серые глаза, и он почтительно склонил голову. Айгара, старейшая из жриц, пару десятилетий стала Хранительницей континента и перебралась из Дома Света в Серебряный Город. Последние дни она со своим спутником Рильилем почти не отходила от князя.

— Лунной ночи, — тихо проговорил Шан. — Мне сказали, что вы хотели видеть меня. Отцу стало хуже?

— Нет, князь Фильдан сейчас окутан все тем же беспокойным сном, что занимает большую часть его суток.

Айгара прикрыла дверь и, взяв Шана под руку, повела по коридору. Ее шаги были размеренны и мягки, словно у молодой женщины.

— И все же, — заговорила она вновь, — опрометчиво надеяться, что твой отец вновь встанет на ноги. Думаю, он чувствовал, что дни его на исходе, и поэтому поспешил вернуть наследника домой.

Шан остановился, переводя дыхание. Грудь сжало уже забытое отчаяние. «Нет, — пронеслось у него в голове. — Я ничего не знаю о правлении, вельможи не доверяют мне, а горожане вот-вот начнут роптать, если пелена не пропадет. Корона ляжет мне на голову могильным камнем».

— Ты страшишься не зря, княжич, — произнесла жрица, видимо и не думая успокаивать. — Наступают мрачные дни, коих не было уже давно. Светлые шепчут нам с Рильилем об этом беспрестанно.

— Что же мне делать? — На мгновение Шан вновь ощутил себя мальчишкой, пришедшим в святилище за советом. Он отстранился от жрицы и обессиленно опустился на скамью у окна, которое было черно, словно гниющая рана. Айгара внимательно глядела на него, не выказывая и капли сочувствия. Полумрак коридора делал ее лицо похожим на вытесанную из камня маску.

— Я родилась в Молчаливом Пределе холодным летом девятьсот тридцать третьего года, — прошептала жрица. — Когда мне минуло одиннадцать лет, Светлые позвали за собой, и пришлось отринуть гильдию и всех, кем я дорожила. Я была слишком мала, чтобы понять великую суть служения Светлым, но все же доверилась. Как видишь, они высоко это оценили.

Старуха уселась на скамью возле Шана и положила жилистую руку ему на плечо.

— Поэтому, прошу, доверься их выбору и ты, — вкрадчиво произнесла она. — Светлые нашептали нам, что княжич должен покинуть стены Серебряного Города сегодня же.

Шан непонимающе заморгал. Голова, уставшая от проведенными над бумагами дня, соображала с трудом.

— Бежать? Как я могу бросить отца в таком состоянии, Айгара? — Он потер глаза, надеясь прогнать сонливость. — К тому же, город закрыт. Как бы я ни хотел привести помощь, пелена пожрет меня, как тех караванщиков.

— Я лишь позволяю тебе узнать волю Светлых. — Жрица замолчала, словно прислушиваясь к чему-то, что было достигаемо только ей. — Решай сам, что делать с этим знанием. Быть может, Светлые сдержат пелену или твоя смерть сорвет с города оковы. Человеку не под силу понять помыслы Светлых до конца.

Старуха легко встала и развернулась к покоям князя, взмахнув лапами мантии.

— Пусть божества хранят тебя, княжич Шантар, — произнесла она, уходя. — И всех нас.

Какое-то время Шан оставался на скамье, окруженный тишиной дворца. Лампы подрагивали от гулявшего по коридорам сквозняка, и дыхание Шана вторило им, делаясь неровным и надорванным. В детстве он всерьез хотел пойти на службу в дворцовую стражу, и до того

увлекся этой мыслью, что не покидал боевых тренировок до тех пор, пока не начнут подкашиваться ноги. Наставники учили: смерть может принести и нож разбойника, и осколок стекла в руке разбушевавшегося пьянчуги. Каждый, кто держал меч, принимал эту истину. Но погибнуть в попытке безрассудного бегства?

До своих комнат, приютившихся на первом этаже, Шан брел дольше обычного. Часть его разума говорила: останься и жди помощи, не рискуй зазря, подчиняясь прихотям Светлых. Но с каждым мгновением этот голос становился слабее, будто у простуженного певца. Когда Шан затворил за собой тяжелую дверь, все уже решилось.

Окна комнаты выходили на северную сторону сада, давно запущенного и поросшего сорняками. Миновав сад, можно было отыскать старые ворота, закрытые еще во времена прошлой династии и почти слившиеся с каменной кладкой стены. Раньше Шан с другими высокородными детьми сбегал через эти ворота к реке. Если пройти через эту брешь, никто не заметит и не остановит.

— Укажите мне путь, — шепотом взмолился Шан, прижав руки к сердцу.

Он торопливо сменил белый дублет с золотыми пуговицами на старый кафтан, в котором прибыл из Озерного Берега, и принялся сбрасывать вещи в котомку. Где были те высокородные дети? Офиль, Фарлотт, Гайг. Спустя годы Шан помнил имена тех, с кем он провел детство, но эти воспоминания отдавали горечью. Если бы они остались во дворце, если бы сохранили эту крепкую связь, он бы наверняка не чувствовал себя бьющимся в капкане зверем. Но Офиль стала женой князя Травяного Перевала, Гайг пропал после крушения «Дивного цветка» где-то в Червивом море, а Фарлотт сбежал из города, похитив Сойку, грифоницу Шана. С тех пор друзей у Шана не было.

Он надел тонкое серебряное кольцо, забросил котомку на плечо и оглядел комнаты, прощаясь с ними второй раз в жизни. Однако сейчас Шан пообещал себе, что непременно вернется. Он распахнул окно и спрыгнул на землю, едва удержавшись на ногах. Пригибаясь, словно вор, Шан пробрался через клумбы, обогнул две старые яблони и перелез через высокие кусты шиповника, очерчивавшие границы сада. Воздух на улице оказался спертый и не давал вдохнуть в полную силу. Шан боязливо поднял глаза к небу, покрытому пеленой, наверняка ставшей причиной и этой напасти. «Если тьму не разгонять, она помножится, словно гнус в летние дни», — вспомнились ему строки из какого-то предания.

Многолетний плющ затянул старые ворота плотным непроницаемым одеялом. Уже одревеневшие стебли поддавались тяжело, оставляли на пальцах багровые борозды, но все же рвались, открывая дорогу к воротам и свободе. А может, и неминуемой гибели. «Если Светлые окажутся добры, — думал Шан, — к утру доберусь до ближайшей деревни и куплю вола. Оттуда — в Почтовую Башню. Конечно, если пелена окутала не всю Нокораду».

Наконец он отбросил в сторону последнюю охапку стеблей, взялся за петли ворот и с силой потянул на себя. Железо протяжно скрипнуло, крепления одно за другим вышли из стены. Много лет назад им приходилось наваливаться вчетвером, чтобы надавить на служившую рычагом палку и открыть себе хотя бы небольшой проход наружу. Сейчас эта работа показалась несказанно легче.

Шан вслушался в тишину сада, резко выдохнул и, не давая себе ни мгновения на раздумья, шагнул в образовавшуюся щель.

Глава 6. Обряд

За две ночи, проведенные в размышлениях о предстоящей миссии, Лим успел прийти от безысходного смирения к спокойной решимости. Все же не каждому птичнику, да и всаднику, доводилось становиться помощником в столь важных изменениях. Может, потомки будут знать Лима не только как несостоявшегося наследника. Эти мечты отравляла лишь весть о болезни Тис. Засидевшись до середины ночи за книгами по лекарскому искусству, Лим и сам не заметил, как проспал рассвет. Он торопливо затянул застёжки на сапогах, одернул кафтан и схватил ждавшие его у дверей сумки.

Гильдия уже пробудилась. От кухни по коридорам разносился запах молочной каши, по лестницам сновали рабочие. На ступенях у верхней площадки, где располагались вторая дверь в Гнездо и выход на площадь, Лим догнал Эда и Рылого — птичники тащили к Гнезду охапки свежего сена.

— Светлого утра, Лим! — пробасил Рылый, свалив сено на пол. — Что, уже отправляешься?

Эд последовал его примеру и, освободив руки, жестами показал: «Светлое утро, мальчик». Эд потерял голос лет пятьдесят назад, еще в детстве: когда он жил в деревушке за Лесными Копями, на него набросился медведь, и с того момента Эд издавал только неразличимые звуки. Попав в Предел, он научился от Старика жестам, которые придумали для одной из княжон Туманного Двора, онемевшей из-за болезни.

— Светлого. — Лим вышел на площадку, борясь с желанием бросить все в последний момент и пойти к грифонам. — Думал вылететь как можно раньше. Аффи еще в замке?

— Разумеется. — Рылый вновь забросил сено на плечо. — Сокола только недавно вывели, и Пепла кстати тоже, так что можешь его не искать. Оба уже оседланы.

— Спасибо. Удачи вам, и берегите зверей.

— Ага, все для вас, господин, — усмехнулся Рылый. — В добрый путь.

«Храни тебя Светлые», — Эд прижал ладони к сердцу и склонил голову.

Площадь и Перстень уже заливало солнце, щерившееся с безоблачного неба. Около грифонов собралась целая компания, провожавшая всадников на долгую миссию. Тала поправляла подпруги на Пепле, Тис о чем-то переговаривалась со Стариком, опирающимся на руку Хуро. Аффи беззаботно болтала ногами, сидя на Соколе. Грифон нервно дергал крыльями, предвкушая дорогу, и его бока раздувались полосатыми парусами. Чуть поодаль с закрытыми глазами стоял Винг — молодой жрец, видимо, взывал к божествам, хотя давно должен был спать. Святилище в Пределе притаилось на восточной стене, обращенной к морю и Дому Света, и являло собой выступающую из замка комнату с насестами для грифонов. Попасть в него можно было только по воздуху, и жрецы находились там круглые сутки: до рассвета — Винг, до заката — его спутница Гвила. Они хранили там самородок — один из даров Светлых, кусок серебристо-золотого металла величиной с грушу, благодаря которому грифоны продолжали появляться на свет.

— Сколько можно спать? Я уже собирался идти за тобой, — крикнул Хуро, первым заметив Лима.

Прощание было недолгим. Тис вручила им печати ордена и ее приказ на случай, если кто-то засомневается в целях миссии. Старик напутствовал держать ухо остро и беспристрастно описывать происходящее в городах, а Винг произнес над всадниками и грифонами молитвы. Напоследок Лим, Тис и Хуро обнялись, что с годами становилось редкостью.

— До встречи. — Тала подошла к нему и тоже обняла. — Мне сказали, когда Гроза совсем окрепнет, я полечу следом, так что скоро увидимся.

Лим сухо кивнул, боясь растрогаться, и забрался в седло. Пощелкивая клювом от нетерпения, Пепел подошел ближе к краю Перстня. Долина, распластавшаяся внизу, казалась необычно пустой и даже угрожающей. Как в тот день, когда Лим получил шрам. И Аффи вновь была рядом, но на сей раз спасения от нее ждать не приходилось.

— Давай наперегонки? — Она развернула Сокола и убрала за уши отливавшие на свету золотом волосы. — До второго поворота реки, а там уже разлетимся в разные стороны.

— Сокол быстрее, это и так понятно.

Аффи закатила глаза:

— Тебе не надоело быть таким унылым? Когда еще ты сможешь вот так полетать с нами?

Лим хмыкнул. Пеплу не помешал бы небольшой разогрев перед дорогой, да и первая их остановка — деревня Колоски — лежала всего в пятнадцати верстах от Гряды, а значит, зверь вскоре сможет отдохнуть.

— Ладно, твоя взяла. — Лим повернулся к остальным, помахал на прощание и дважды хлопнул Пепла по лопаткам.

Грифон сорвался с места в то же мгновение. Ветер засвистел у Лима в ушах, он крепче вцепился в ручку на седле, не решаясь даже открыть глаза. Когда он наконец разжал веки, Аффи уже догнала их. Она дернула за повод, Сокол нырнул вниз, поймал поток воздуха и словно стрела вылетел вперед. Пепел возмущенно заклекотал, и Лим рассмеялся, в мыслях благодаря Аффи за эту идею. Внизу шумела Кривая река: вблизи Молчаливого Предела ее волны быстро неслись вперед и успокаивались на третьем изгибе русла. Только после того, как грифоны миновали первый поворот, Лим до конца осознал, что все по-настоящему. Что до осени не видать ему дома и родных, не развалиться в кресле у камина и не следить за ростом птенцов. Но все это меркло перед малейшей мыслью о том, что с Тис за это время могла стрястись беда. Ни в одной из книг Лим не нашел ничего похожего на странный недуг, описанный Хуро, и неизвестность жгла сердце колючим жаролистником. Справившись с порывом обернуться на Предел, Лим еще раз хлопнул Пепла по лопаткам, и зверь быстрее замахал крыльями, но угнаться за Аффи было невозможно. Когда впереди показался второй поворот, Сокол слегка замедлился, сделал петлю в воздухе и повернул на север, издав на прощание раскатистый клекот.

Когда солнце достигло пика, Пепел приземлился на окраине Колосков. По звукам барабанов и гармошек Лим понял: в деревне идет праздник. Среди привычных деревенских запахов витали ароматы свежего клюквенного хлеба, парного молока с приправами и терпких трав, которые бросали в тлеющие костры для отпугивания гнуса. Лим взял Пепла за ошейник и повел по единственной широкой улице, оканчивавшейся чем-то похожим на площадь. Издалека он заметил на ней белые и красные ленты, повязанные на столбы, и соломенные чучела птиц. Значит, свадьба. Деревенский староста из-за гуляний вполне мог отложить разговор до завтрашнего утра, а там, чем тьма не шутит, и до вечера. Собравшиеся на площади селяне гудели, до последнего не замечая чужака, пока дети не завопили от восторга, увидев Пепла.

— Можно птичку погладить? — затараторили дети наперебой, окружив Лима шумной стайкой.

— Ладно, только за перья не дергайте. — Лим оставил Пепла и, одернув кафтан, направился к гуляющим. Музыка продолжалась, но теперь люди с любопытством поглядывали на прибывшего к ним гостя. Из толпы вышел коренастый мужик с окладистой бородой и склонил голову.

— Светлейшего дня, господин! Присоединяйтесь к нам, ежели дело подождет.

— Светлого. Мне бы со старостой поговорить.

Мужик закивал:

— Я староста и есть, да. Забьер, с вашего позволения. Мы сейчас будем ворожить. — Он махнул рукой в сторону стола, за которым сидела пара. — Не разломите пирог вместо меня? Для нас большая честь вас принимать, да.

На столе перед молодыми лежали три пирога из кровяниковой муки — в пищу они были непригодны и использовались для подобных торжеств. Полые пироги начиняли монетами, гусиным пухом, цветами или семенами подсолнухов, а затем разламывали один над головами новобрачных, чтобы узнать, что их ждет в будущем. Оставшееся после гадания тесто обычно прикапывали у порога дома. Ворожба запрещалась жрецами, но на свадьбах обычно делали исключение.

Селяне, услышав предложение Забьера, одобрительно загалдели. Лим нервно поправил манжеты, чувствуя на себе взгляды десятков глаз, но отказать не посмел.

— Ладно, — выдохнул он. — Но потом все равно поговорим.

Лим протиснулся через толпу к столу и молодые склонили головы.

— Пусть Светлые хранят ваш союз. — Он выбрал крайний справа пирог и разломил хрустящее под пальцами тесто. На головы молодых осыпался ворох гусиного пуха, и гармошки запели громче.

Через несколько минут Забьер уже уводил Лима подальше от шума праздника.

— Ох, господин, удачный вы пирог выбрали, — староста удовлетворенно крикнул. — Мила, видали, заплакала от счастья, что перья выпали? Да, она же сиротка. Ей легкую жизнь больше всего хотелось.

— Рад, что пригодился.

— Не то слово, господин. Мы вообще Птичью гильдию уважаем, да. Но по какому вопросу вы прилетели? — Забьер прочесал бороду пальцами. — Не припомню, чтобы прошение отправлял.

— Грифонью гильдию. А если уж держаться формальностей, Гильдию грифонов всадников, — поправил Лим. Гильдию ошибочно звали в народе Птичьей со времен князя Брота, возглавившего гонения на всадников и этим разгневавшего Светлых. — Правительница Тис послала меня, чтобы я изучил дела на юге континента и выяснил, где требуется наше особое присутствие.

Забьер одобрительно закивал.

— Понимаю, да. Полезное дело, только тут все спокойно, мы люди простые. С соседями дружим, знай себе поля обрабатываем, да скотину держим. — Он задумался. — А впрочем, не разбираетесь ли, господин, в живности? Третьего дня пять овец пали, да все никак не можем разумать, от чего.

— Так вышло, что разбираюсь. — Лим смущенно кашлянул, надеясь, что староста не начнет расспрашивать его: раскрывать свое положение в гильдии не хотелось. — Туши вы не сожгли?

— Нет, господин, только за околицу снесли. Хотели уж после свадьбы заняться, а то и так хлопот много.

Староста провел Лима к покосившейся изгороди на краю деревни. Ветер пригнал незваные тучи, по крышам застучал дождик, и Лим поморщился, ожидая, что влага усилит вонь истлевающей плоти. Однако около пяти туш, сваленных в яму, не пахло ничем. Не было даже запаха мокрой овечьей шерсти, словно перед Лимом лежали не павшие животные, а игрушки, набитые соломой.

— Вот они, — констатировал Забьер, уперев руки в бока. — Все молодые, трое даже не ягнились.

Лим подошел ближе и присел на корточки, осматривая овец. Тела без ран, все пятеро хорошо откормлены и не имели признаков вырождения.

— Как это случилось?

Староста снова провел пальцами по бороде.

— Утром они отбились от стада, Фалька с собаками пошел искать, да сам заплутал. Возвратился ни с чем, а к ночи овцы сами у ворот собрались. Вроде напились, сена пожевали, а следующей зарей полегли. Мы думали, они белены наелись или еще чего ядовитого, но в потрохах у одной окромя сена не было ничего, а остальных и не стали резать.

— Ладно. — Лим поднял валявшуюся у забора палку и осторожно повернул одну овцу на другой бок. Левая сторона ее морды была черной и лишенной шерсти, приоткрытый глаз словно заменили кусочком угля. — А это что?

Староста наклонился к яме и тут же отпрянул.

— Не могу сказать, господин. Вроде как не было такого, когда их в овчарне нашли. Подпалить что ль кто-то пытался?

— Вполне возможно, — тихо произнес Лим. Ему вспомнились слова Хуро о черных пятнах на коже Тис, и чуть ниже сердца возникло нехорошее давящее предчувствие. Он резко выпрямился и отшвырнул палку в яму. — Позови мужиков. Пусть отвлекутся от гуляния, сейчас же сожгут туши и закопают. Сверху заложите камнями, чтобы собаки не разрыли, а овчарню помойте с уксусом. Пусть стоит открытой пару дней.

Забьер побелел.

— Господин, как же? Страшное что-то?

— Думаю, да.

Глава 7. Встреча

Наставники говорили: грифоны — дар божеств, сотворенный для служения человечеству, едино зверь и птица. Нет в мире сильнее этих существ, но нет и слабее в момент, когда они появляются на этот свет. И как люди оберегают птенца, так и выросший грифон бережет людей. По крайней мере, именно эти слова Эйкел запомнил. Раньше он видел грифонов на гравюрах в библиотеке Дома Света и пару раз замечал из окон главной башни, спеша на занятия. Теперь Эйкел мог сколько угодно любоваться на этих зверей вблизи, но они не вселяли в него ничего, кроме страха. Грифоны стояли на привязи под наспех сколоченными навесами: огромные, лохматые, с острыми клювами и желтыми задумчивыми глазами, в которых порой промелькивало нечто человеческое. Эйкелу казалось, любой из них мог сорвать с шеи веревки, разбить навесы в щепки и расправиться со всеми в лагере без особого труда. Он как-то высказал это опасение Алису — щербатому стражнику, от вида которого даже у бывалых разбойников скисали лица. Алис в ответ зашелся хохотом.

— Тебя, жрец, такая зверюга может и одолеет, — сказал он. — Ты в руках поди тяжелее пера и не держал ничего. — Алис достал из ножен меч. — А вот с моим перышком им не сладить, если вдруг взбесится.

С того дня Эйкел к грифонам не подходил. Он и сам знал, что слаб, и был таким с рождения. В день своего восемнадцатилетия Эйкел проснулся и обнаружил, что его волосы стали белыми. Лишь тогда он впервые почувствовал себя чуточку сильнее, ведь Светлые не делали свой выбор зазря, а жрецов все любили и уважали, как и семьи, из которых они происходили. Всего через пять лет наставники объявили, что Эйкел готов для служения, и не было в его жизни момента прекраснее. Он стал спутником Лунарии — девушки, рожденной в семье вельмож из Озерного Берега. Эйкел со своей худобой, вытянутым лицом и стриженными на крестьянский манер волосами всегда смущался рядом с ней. Их послали на служение в Одинокий Сруб — далекий северный город, известный деревянной башней жрецов, высотой превосходившей прочие. Столетия назад башню сложили из стволов жардрева, и потому она ни разу не горела, в отличие от остального города. Лунария рассказывала, что однажды ей привезли в подарок из Одинокого Сруба флакон ароматного масла, пахнущего летней ночью. «Должно быть, сам Сруб такой же чарующий», — мечтала она. Теперь Лунария никогда не узнает, так это или нет.

Эйкел заставить себя проглотить еще одну ложку маслянистой похлебки, поданной к ужину, и ощутил, как тошнота подступает к горлу. За все время со Щетками их еда так и не стала для него привычной, а в моменты воспоминаний о Лунарии и вовсе было противно делать что-то привычное для живых. Эйкел скривился и поднялся с бревна, стараясь не капнуть на мантию похлебкой. Один из грифонов, точивший клюв о деревянную перекладину, повернул к нему пятнистую морду, внимательно оглядел, а затем вернулся к своему занятию. Эйкел направился к огромному котлу, у которого привычно ошивался Дрок — усатый бандит, служивший у Щеток кухарем. Они стояли лагерем в лесу неподалеку от тракта, ведущего к Звонкому Городу и дальше на север. Проходящих по дороге артистов разбойники не трогали, но тянущиеся с севера повозки с украшениями и одеждой становились для Щеток легкой добычей. Эйкел не мог спокойно смотреть на бандитов, возвращавшихся с дела: гогочущих, покрытых грязью, лишивших кого-то денег, а может, и жизни. В такие дни он прятался среди деревьев и молился Светлым, благодаря их хотя бы за то, что не оказался в банде, когда ей управлял Беззубый Пес. Эйкел был тогда ребенком, но слышал, как родичи то и дело обсуждали, как Щетки разгромили очередную деревню. В какой бы ужас пришел тот мальчик, узнай он, что однажды сам попадет к головорезам?

— Дрок, спасибо. В меня больше не лезет. — Эйкел поставил похлебку на деревянную скамью у котла, где уже расположилась горка пустых мисок. Кухарь пожал плечами, взял посудину и выплеснул ее содержимое обратно в котел. Вариво на мгновение стало неоднородным, но потом все же вобрало в себя недоеденную порцию, вновь превратившись в болото из лука, муки и ошметков жирного мяса.

— Ты чего, скотина? — проревел кто-то слева. — Брезгуешь?!

Не успел Эйкел повернуться, как сильная рука схватила его за воротник мантии и тряхнула. Серая ткань жалобно затрещала, в нос ударила вонь скисшего пота и спирта.

— Сивый, угомонись, — проворчал Дрок, забрасывая мыльные корешки в бочку с горячей водой, служившей и для мытья мисок, и для стирки.

— Не дожدهшься, — прошипел сквозь желтые зубы бандит и с презрением уставился на Эйкела. Растрепанные седые волосы Сивого прилипли ко лбу, а нижняя губа подрагивала от злобы.

Эйкел попытался освободиться, но хватка Сивого оказалась крепкой. Остальные Щетки, похоже, не обращали на происходящее никакого внимания.

— Я не брезгую, — осторожно произнес Эйкел. — Просто не хочу.

— Да, конечно! — Сивый плюнул ему под ноги. — Вижу я, как ты на нас смотришь, как нос от еды воротишь. Думаешь, здесь собрался сброд, который и твоих драных портков не стоит? — Разбойник еще раз тряхнул Эйкела. — А если бы не этот сброд, ты бы сейчас гнил где-нибудь на берегу Песчанки, как бабенка твоя!

— Сивый, угомонись, — повторил Дрок, и тут раздался свист. Мимо Эйкела мелькнуло что-то серебристое, пролетев прямо перед носом Сивого. Разбойник отпрянул от него, как от пораженного поветрием, и боязливо глянул в центр лагеря.

Там, у высокого лилового шатра, ткань которого пятнами выгорела на солнце, стоял Фарлотт — нынешний главарь Щеток. Он закинул арбалет на плечо, придавив им короткую черную косу, и вальяжно зашагал к котлу. Стражник Алис, до этого сидевший на бревнах у шатра и чинивший наручи, двинулся следом, словно огромная тень. Остальные Щетки тоже оторвались от своих дел, с интересом наблюдая за творившимся у кухонного костра.

— Хозяин, я что-то, — голос Сивого становился слабее с каждым шагом Фарлотта. — Прости, не хотел.

— Кто в лагере грызется, как бешеный пес, с тем я буду обращаться, как с бешеным псом, — произнес Фарлотт, приблизившись. Его аметистовые глаза, цепкие и лишённые всяких чувств, обратились на Сивого. — Разве я такого не говорил?

— Говорил, говорил! — раздались хищные голоса Щеток.

Сивый опустил голову и задрожал, теперь уже от страха. Эйкел беспомощно глянул на Дрока, но кухарь лишь вновь пожал плечами.

— Алис. — Фарлотт повернулся к стражнику. — В Серебряном Городе все еще отрубают руку, поднятую на жреца?

Алис кивнул с напускной серьезностью:

— Отрубают-то отрубают. Но не руку, а голову. Потому в Серебряном со жрецами все обращаются ласково, как с котятками.

Среди остальных разбойников раздались смешки, а лицо Сивого приобрело цвет, подходящий его кличке.

— Вот как, — безразлично произнес Фарлотт. — Но мы не будем следовать их законам. Дрок, больше не допускай нашего собрата к настойкам, а ты, Алис, приведи его в чувство. Завтра Сивому понадобятся силы, чтобы вычищать навоз за волами, так пусть хоть проспится.

Алис криво улыбнулся и, схватив Сивого за локоть, потащил к бочкам с водой. Эйкел молчал, надеясь, что Фарлотт не обратится к нему.

— Что до тебя, — разрушил его надежды главарь, — если еще раз пренебрежешь нашим гостеприимством, будешь питаться только сырыми костями и очистками. Понял?

— Понял, — эхом отозвался Эйкел.

— Очень надеюсь, — отчеканил Фарлотт и кивнул в сторону шатра. — А сейчас иди за мной, нужно потолковать.

Эйкел сдавленно вздохнул, стараясь, чтобы Фарлотт этого не услышал, и поплелся за ним. Щетки, лишившиеся представления, начали расходиться по палаткам. Сейчас разбойники казались Эйкелу омерзительнее обычного: Сивый был их товарищем, а они глумились, когда над ним нависла опасность. «И Фарлотт — худший из них, только может скрывать свою сущность до последнего, — подумал Эйкел. — Потому Щетки его и боятся». Алис, наконец оставивший окунание Сивого, догнал их у самого шатра и зашел следом.

Внутри шатра было тепло: вдоль стенок тлели небольшие жаровни на длинных чугунных ножках. В центре располагался трухлявый складной стол, заваленный чертежами и книгами, над которым висела изящная люстра с кристаллами алионита, наверняка украденная у кого-то из торговцев. Неподалеку от стола располагались две софы, на одной из которых восседала Найга — грузная женщина с красноватым смуглым лицом и начинающими седеть рыжими волосами. Она была правой рукой Фарлотта, хоть Эйкел ни разу не видел, чтобы Найга отправлялась с остальными на вылазки. Сейчас она что-то сосредоточенно перетирала в каменной ступке, даже не поднимая глаз на вошедших. Рядом с ней стояли две высокие глиняные вазы, крепко запечатанные железными крышками. Фарлотт уселся за стол, развалившись в кресле с высокой спинкой, Алис опустился на табурет возле жаровни и принялся выжимать намокший плащ.

— Знаешь, почему я не казнил Сивого? — беззаботно спросил Фарлотт, отхлебнув из чаши. Эйкел испуганно замер.

— Нет, господин.

— Он, хоть и нарушил мой запрет, сказал правду. — Аметистовые глаза Фарлотта следили за лицом Эйкела. — Ты жив только потому, что мы решили совершить благое дело.

«Мимоходом, пока нещадно грабили невинных торговцев», — добавил Эйкел, а вслух произнес:

— Вы правы, господин. Я благодарен вам и всем Щеткам за это.

— Благодарность на словах — это пыль, недостойная приличного человека. — Фарлотт сделал еще глоток и отставил чашу в сторону. Он с отстраненным видом сложил несколько чертежей стопкой и вновь поднял голову. — Скажи, вас в Доме Света хорошо обучали целительству?

Эйкел растерянно переступил с ноги на ногу, не понимая, как их разговор пришел к этой теме.

— Жрецы не проходят полного курса, только основы. Там я тоже не преуспел, но кое-что знаю.

— Так ты еще и не умный? — разочарованно протянул Алис, отвернувшись от жаровни. — Хоть бы соврал, а то, считай, зря тебя из воды доставали.

— Наш Алис забыл, что жрецы Светлых не умеют лгать. — Фарлотт натянуто улыбнулся. — Верно я говорю?

— Верно, господин, — ответил Эйкел. «Зато умеют недоговаривать».

Фарлотт почесал затылок, словно высчитывая следующий шаг. Установилась тишина, которую нарушало только шуршание ступки в руках Найги.

— Твоих знаний, я надеюсь, будет достаточно, — произнес Фарлотт. — Скоро к нам придет гостя, которой очень понадобится помощь лекаря. Моих людей она вряд ли к себе подпустит, а вот жреца — вполне. Так ты сможешь отблагодарить нас и вернуть должок за свою жизнь.

— И после этого я смогу уйти в Дом Света? — осторожно спросил Эйкел. После возвращения придется провести как минимум три года в трауре и молитвах, прежде чем его представят к новой спутнице, но он был готов понести любые лишения, только бы не находиться больше рядом со Щетками.

Фарлотт и Алис переглянулись, и одно лишь это вызвало у Эйкела колючую дрожь в пальцах.

— Разумеется, — кивнул главарь. — Только визнаешь у нее информацию, которая нам очень пригодится. — Он облокотился на стол и фиолетовые глаза застыли, словно у готовящейся к броску змеи. — Учти, если позволишь себе лишнего, отправишься не в Дом Света, а прямиком к божествам.

— Я не стану, — Эйкел осекся, но все же заставил себя продолжить. — Не стану этого делать. Предать доверие — тоже обман.

Фарлотт на миг застыл, ошарашенный отказом, и вдруг рассмеялся. Алис напряженно глядел на него, положив руку на рукоять меча. «Ждет приказа казнить меня», — отрешенно подумал Эйкел. Его участь теперь представлялась совершенно неизбежной.

— Найга, ты слышала? — Фарлотт повернулся к ней, все еще посмеиваясь. — Впредь нам надо брать к себе только жрецов: они точно не всадят нож в спину, не предупредив.

— Напомню тебе об этом, — кивнула Найга и возвратилась к ступке.

Снаружи послышался клекот грифонов и неразличимые голоса. Алис быстрым движением достал меч, заставив Эйкела вздрогнуть, в два шага преодолел расстояние до выхода и отдернул ткань, вглядываясь в сумерки.

— Что там? — Фарлотт заметно напрягся.

— Сокол прилетел, — ответил Алис. — А остальные зверюги из-за этого разнервничались.

Фарлотт вскочил, пригладил волосы и набросил на рубашку синий камзол, висевший на спинке кресла. Застегиваясь на ходу, он вышел из шатра, и Алис последовал за ним. Видимо, сокол прилетел с каким-то срочным письмом — обычно послания с птицами отправляли, если сообщение не могло ждать, пока в город прибудет почтовой на грифоне. «Интересно, как сокол нашел лагерь?»

Его размышления прервало возвращение Фарлотта. Алиса с ним уже не было, но все же главарь зашел в шатер не один. Он вел под руку девушку небольшого роста, со светлыми волосами, едва доходившими до плеч. Когда незнакомка поравнялась с Эйкелом, он с удивлением заметил на ее кафтане вышивку, изображавшую две скрещенные луны.

— Имею честь представить тебе нашего лагерного жреца Эйкела, — с усмешкой произнес Фарлотт, кивнув в его сторону. — А мою прекрасную спутницу зовут Аффи.

Эйкелу стало дурно от слова «спутница», но он все же вежливо склонил голову. Их учили с уважением обращаться с гильдией.

— Лунной ночи, госпожа. Благодарю Светлых за наше знакомство.

Аффи бегло глянула на него, не удостоив ответом, и повернулась к Фарлотту.

— Наш разговор должен пройти наедине, — твердо сказала она, и главарь согласно прикрыл глаза.

— Найга, Эйкел, оставьте нас.

С плеч Эйкела будто свалилась тяжелая ноша. Наверняка завтра его ждало продолжение непростой беседы, но хотя бы сейчас он сможет помолиться и наконец уснуть. Эйкел вышел из шатра, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. На небе висели половинки двух лун, и от их вида навернулись слезы. «Да не оставьте меня, Светлые», — взмолился он, прижав ладони к сердцу, и тут почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Эйкел, я тебе не враг, так что послушай, — тихо начала Найга, уводя его прочь. От нее приятно пахло какими-то нездешними травами. — Завтра ты скажешь Фарлотту, что согласен на его предложение.

Эйкел яростно замотал головой.

— Послушай же! — Найга сжала его плечо чуть крепче. — Своим упрямством и преданностью божествам ты сейчас никого не спасешь. Если Фарлотт не получит сведения благодаря тебе, он заставит ее говорить, но уже с помощью Алиса. Понимаешь, что это значит?

Эйкел вздрогнул.

— Вы про Аффи? — Он махнул рукой в сторону шатра. — Мне показалось, Фарлотт не собирается ей вредить. Да и на хворую она не похожа.

— Нет, я не о ней, — покачала головой Найга. — Все сложнее, но пока не могу рассказать. Выполни просьбу Фарлотта, и я обещаю, клянусь перед Светлыми, что упрошу его отпустить тебя.

Она похлопала Эйкела по плечу и повернула к своему шатру.

— А вдруг он тебя не послушает? — робко спросил Эйкел ей вслед.

— Послушает. Не умею я находить нужных слов, Нокорада давно бы изошла кровью.

Глава 8. Копоть

«Писано 19 дня 1089 года. Деревня Колоски, дорога на Лесные Копи. Единоновременно пали пять молодых овец. Из внешних признаков порчи у одной — черные пятна на морде, не похожи на следы гниения. Появились уже после смерти. Туши сожгли».

Лим задумчиво постучал карандашом по тетради и спрятал ее в набедренную сумку. Деревенские подготовили для него постель на сдвинутых вместе лавках, однако она так и осталась нетронутой. Стоило закрыть глаза, как в голове возникал образ охваченных огнем овечьих туш, одну из которых будто уже облепила копоть. Лим с трудом не сорвался из Колосков обратно в Предел: удержало лишь осознание, что Тис от этого не станет лучше. «Как только доберусь до Лесных Копей, отправлю домой письмо. А пока что разузнаю побольше», — решил он и тихо вышел из погруженного в предрассветный сон дома старосты.

Пепел летел медленно и на небольшой высоте, слегка клонясь в стороны, словно пытаясь убаюкать своего всадника. Лим крепче затянул ремни над коленями, достал карту, выжженную на воловьей коже. Впереди ждали почти дюжина городов и тридцать деревень. Старик набросал на карте примерный маршрут, первая часть которого пролежала через Лесные Копи, Туманный Двор, Речной Холм, Морской Мост и оканчивалась в Каменном Причале. Остальные поселения — Озерный Берег, Колючий Яр, Глубокий Колодец и Магнимур — следовало посетить, к неудовольствию Лима, уже на обратном пути. Побывать в Магнимуре, городе за черными стенами, он хотел поскорее. В «Своде дней» писали, что Магнимур построен на руинах от прежних людей, живших на континенте, когда он еще звался Гумиконом и был втрое больше. Некоторые летописцы считали, будто название этого города тоже осталось с былых времен, потому-то никто не может разгадать его значения. Сейчас Магнимуром правила молодая княгиня Ксанта Миур, приходившаяся Старику правнучкой. Семьдесят назад он был женат на одной из княжон этого рода, и с тех пор у всех Миуров золотые волосы и голубые глаза. Имя рода, однако, осталось прежним: в то время правитель Предела по положению оставался ниже княгини.

Лениво выплывающее из-за горизонта солнце, не несущее тепла, едко ужалило лучом глаза. Лим отвернулся, наконец оторвав взгляд от карты, и с ужасом обнаружил, что они летят над бескрайним лесом. Он наскоро свернул карту, забросил ее в мешок и дернул за левый повод, заставив Пепла резко повернуть назад.

— Вот же темнота! — прошипел Лим, ища глазами окраину. Он не заметил, как добрался до Копей — города, скрытого в лесу. Тис говорила, что приземлиться в чаще негде, поэтому придется проделывать путь пешком от большака, двигаясь строго на восток. Раньше всадники часто терялись в лесу, а грифоны за время дороги выбивались из сил: они не были земными существами, и для долгих прогулок их тела не предназначались. Постепенно визиты гильдии и почтовых в Лесные Копи прекратились, а все вопросы решали с помощью соколов.

Отыскать желтеющую среди молодой травы полосу большака получилось быстро, и Пепел опустился прямо на дорогу.

— Ладно, — пробормотал Лим, спешиваясь. — Дальше отправимся пешком.

Лес поглотил их, стоило отойти от кромки лишь на пару шагов. Под ногами Лима блестящим потоком проскользнула змейка, вдалеке закричали и тут же умолкли сойки. Старые деревья нависали со всех сторон угрюмыми разлапистыми тенями. Пепел, больше привыкший к простору и открытости долины, прижимал крылья к бокам и постоянно прияхивался. Людей нигде не было, но на глаза попадались пни со следами топоров, брошенные шалаши, подвязанные к веткам ящики для провизии и даже оставленные выработки — зияющие норы в человеческий рост. Когда-то народ Лесных Копей добывал алионит, но потом занялся выделкой

пушнины, а кристаллы теперь привозили из Туманного Двора или из окрестностей Серебряного Города.

Лим заметил тушку зайца почти случайно, уже собираясь пройти дальше за кусты жаролистника. Издохший зверек чернел на осыпавшейся хвое. Копоть покрывала уши, морду и задние лапы, но все прочее осталось нетронутым. Лим вновь достал тетрадь. *«Писано 19 дня 1089 года. Лесные Копи. Тушка зайца с черными пятнами. Напоминают отметины овцы из Колосков»*. Он зарисовал зайца и густо пометил карандашом пораженные копотью места. Тис, стражник из Серебряного, о котором рассказал Хуро, овцы из Колосков, а теперь еще и заяц. «Побери меня тьма, если это простое совпадение».

Тропинка к Копям никак не хотела обнаруживаться. То ли в город и правда редко кто заходил со стороны большака, то ли местные искусно скрывали любые следы, опасаясь незваных гостей. Лесные Копи держались ото всех особняком, и даже на Великом Собрании, случавшемся раз в десятилетие, князья Копей часто не появлялись. Истратив силы, Лим направился к мелкому ручью, журчащему прямо у деревьев. Его берега густо укрывал молодой папоротник, кое-где украшенный белыми бусинами ландышей, растущих рядом.

— Привал, Пепел.

Грифон принялся жадно пить, постукивая клювом о каменистое дно ручейка. Лим осушил свою флягу, а затем развалился в корнях дуба, наблюдая за Пеплом. Ему едва исполнилось восемь лет, но рос Пепел быстро, не уступая в размахе крыльев своим тринадцатилетним собратьям. И не подумать, что выжил он почти случайно.

Лим тогда только начинал постигать науку ухода за грифонами, и это была вторая кладка, которую он видел в своей жизни. Из яиц появились сразу трое почтовых грифончиков, а четвертое все не хотело проклевываться. Рылый осторожно разрезал оболочку, и из нее выпал крохотный, не больше ладони, птенец, окруженный зеленоватой вонючей слизью. Лим целый час тер его сухим тряпьем, и птенец даже пытался двигаться, но вскоре затих. «Бывает и такое, парень, — сказал ему Рылый и понес грифончика вниз, в мастерские, где стояла большая печь для обжига. — Понимаю, что обидно, но привыкай. Еще не раз это увидишь». Лим шел за ним по лестнице и не мог оторвать взгляда от тушки, безвольно болтающейся в руке старшего птичника. Лиму чудилось, будто птенец дышит, но слабо и через раз. Он отчаянно хотел забрать грифончика, спасти от жаркого печного нутра. Уже в мастерской, когда Рылый потянулся к затвору на дверце топки, Лим не выдержал. Он выхватил птенца, раскрыл его клюв и обнаружил едва заметную сероватую пленку на небе. Справляясь с отвращением, Лим уцепился за нее пальцами и выдернул. Грифончик наконец сделал первый глубокий вдох и протяжно запищал. По воле судьбы Пепел, самый слабый из кладки, оказался единственным детенышем, дожившим тогда до года.

Воспоминания постепенно становились блеклыми, путались и растворялись в пустоте. Усталость переборола Лима, и он уснул прямо на холодной земле. Лим видел темноту, которую, словно молнии ночное небо, разрывали белые всполохи. Один такой всполох загорелся ярче остальных и заполнил собой сон. Лим вновь очутился в Колосках, залитых едким солнечным светом. Пахло металлом, а на столбах, окружавших площадь, развевались синие и черные ленты, словно на похоронах. Но нет, он опять был на свадьбе, только на месте новобрачных сидели Хуро и Тала. Едва различимо играла флейта, звуки ее проносились мимо ушей и таяли на ветру. Со всех сторон к площади сходились безмолвные фигуры людей, неизвестных Лиму. Почти все они были в кафтанах гильдии, и только двое облачились в плащи с широкими капюшонами, скрывавшими лица. Мелодия становилась громче и оплетала разум лозой черновника. Лим взял со стола единственный пирог, изрядно подгоревший, и разломил его над головами Хуро и Талы. Из-под пальцев высыпались густые комья копоты, осев на волосах молодых стаями насекомых.

— Господин! Эй, господин!

Пробуждение Лима оказалось сродни падению с высоты. Первым, что он увидел, был Пепел, угрожающе шипевший на кого-то в чаще. Лим потер лицо, тщетно пытаясь выбросить из головы вязкий кошмар, и осторожно выглянул из-за дуба. За деревьями прятались двое мужчин, одетых в кожаные доспехи с вырезанным на грудной пластине изображением кристалла. За их спинами торчали копья, а с поясов свисали короткие мечи.

— Господин! Успокой своего зверя! — снова крикнул один из них, тот, что был повыше. — Мы из дозора!

Наконец-то их проведут к городу. Лим торопливо поднялся, подошел к Пеплу принялся чесать его под клювом. Зверь перестал шипеть, но шерсть на загривке не улеглась.

— Приношу извинения. — Лим повернулся к дозорным. — Он здесь еще не освоился, поэтому осторожничает. Можете не бояться.

Дозорные медленно приблизились, остановившись в десяти локтях от грифона. Высокий, лицо которого походило на собачью морду с брылами, окинул Лима недоверчивым взглядом.

— Что тебя сюда привело, господин? — Дозорный поправил меч. — Мы посылали в Молчаливый Предел письмо в конце осени, в городе все спокойно. Неужто послание не дошло?

— Мы получили ваше письмо. — «Хоть я его в глаза не видел». — Но я здесь с миссией и потому должен поговорить с князем Агрондом и жрецами. Меня зовут Лим Арген. Вы можете меня сопровождать?

Дозорные переглянулись с нескрываемой радостью, словно за помощь он предложил им мешок медных монет. Лиму подумалось, что если они решат как-то навредить, улететь он не сможет: Пеплу было не пробиться через густые кроны, а спастись бегством в таком лесу затруднительно, особенно когда не знаешь дороги.

— Запросто, господин, проводим. — Высокий махнул рукой в сторону, откуда тек ручей. — Да вы и сами-то почти добрались, тут немного оставалось.

— Только со жрецами встретиться не выйдет, — крикнул наконец второй, низкий и напоминавший жабу. — Их у нас не стало, а других еще не прислали.

— Ладно, — ответил Лим, стараясь звучать непринужденно. Он взял Пепла за ошейник и побрел следом за дозорными. Что-то здесь было не так: если один из жрецов умирал, второй сразу посылал за новыми, и лишь после их появления уходил в Дом Света. Значит, смерть настигла жрецов одновременно или один из них умер, пока ждал замену. Лим пообещал себе, что расспросит о произошедшем подробнее, когда встретится с князем.

Лесные Копи возникли перед ними миражом, вплетенным в еловые ветви. Домики из глины и досок, обросшие мхом, таращились из-за стволов окнами без стекол. Иногда в них появлялись жители и тяжелым недоверчивым взглядом провожали чужака и его зверя. На улицах, мощеных черным камнем, людей почти не было. Установившаяся в лесу тишина проникла и в город, и не было слышно обычных для людских поселений голосов, скрипа телег и лая собак.

— Господин Лим, ты тут обожди, — обратился к нему высокий, когда они дошли до площади, которой оканчивалась западная часть города. — Мы к князю ходим, доложим о тебе.

Дозорные направились к высокому каменному дому, видимо, служившему обиталищем для Агронда. Лим отошел с дороги и уселся на деревянную скамью, явно сколоченную наспех, а Пепел принялся рыть клювом землю в поисках личинок. Перед взором Лима предстало сооружение, слегка утопленное в чащу и напоминавшее деревянную башню, оканчивавшуюся ровной площадкой. Лим удивился: он и не заметил этого с высоты. У основания башни располагалось окруженное забором поле без травы. На нем, под одобрительные вопли восседавших на заборе сверстников, размахивали деревянными мечами двое юношей. За поединком наблюдал коренастый мужчина с выбритой головой.

— Руки свободнее! — зычно рявкнул он. — Кро, я тебе говорю!

Один из юношей невнятно ответил ему и отразил атаку соперника, ударив по самой верхушке меча. В следующее мгновение бойцы отскочили друг от друга, перебросили деревянный клинок из одной руки в другую и вновь сошлись.

— Руки, Кро! — крикнул мужчина. — Ты что, вздумал палки под рубахой прятать?

— Так иди и покажи, как надо! — огрызнулся Кро, и остальные на заборе мгновенно притихли.

— Стану я о тебя мараться. — Бритоголовый спихнул с забора девушку с косами цвета топленого молока, и она молча направилась к середине поля.

Кро, натужно дыша, утер лицо рукавом, его соперник протянул девушке меч. Светловолосая встала напротив, опустила клинок. Тело ее казалось расслабленным, даже чересчур, но, когда Кро замахнулся, девушка молниеносно отскочила в сторону и ее меч, описав дугу, хлестнул бойца по предплечью. Перебросив оружие в другую руку, она едва не пропустила новый удар, но в следующее мгновение осыпала Кро градом быстрых атак, отпрыгивая каждый раз, когда он пытался ухватить ее за косы, кружившиеся в безумном танце. Лим не мог отвести взгляда: до этого момента ему не доводилось видеть поединок на мечах, пусть и на деревянных. От наблюдения его оторвали уже знакомые дозорные.

— Князь Агронд рад принять брата правительницы Предела и разделит с тобой дневную трапезу. До тех пор можешь перевести дух в гостевом доме, — с нарочитым почтением произнес высокий. — Но зверя надо убрать с улиц, народ-то у нас такого дива пугается.

— Ладно. — Лим с неохотой отвел глаза от поля и кивнул на Пепла. — Где мне его оставить?

— Давайте я в стойло отведу? — предложил второй. — Он не кусается же? Сена ему навалю.

— Грифоны не едят сено, только мясо, — бросил Лим, почесывая Пепла под клювом. — Но спасибо, в стойле ему и правда будет лучше.

Он поплелся за высоким дозорным. Из-за спины еще доносились крики людей на поле, но оборачиваться Лим не стал.

Свернув от дома князя направо, они оказались перед небольшой деревянной постройкой, слегка покосившейся от времени. Ее единственное окно прикрывало стекло в обрамлении расписной рамы, у крыльца желтели пучки цветов, но даже это не создавало хоть какого-то ощущения уюта. Высокий вынул из-за пазухи длинный изогнутый ключ и принялся копаться в замке. Дверь казалась намного прочнее остальной постройки и по краям была укреплена железными полосами.

— погоди, господин, — проворчал стражник, пытаясь справиться с замком. — Заржавел, поди, от безделья, зараза такая. Гостей-то к нам нечасто заносит.

«Неудивительно».

Наконец в замке что-то щелкнуло, и стражник, устало выдохнув, повесил ключ на пояс.

— Вот и готово. — Он с трудом отворил дверь. — Проходи, я придержу. Тут петли уже свое отживают, как бы не зашибло.

Лим замешкался. Дом раззявил пасть, в которой было не разглядеть ни мебели, ни другого убранства — слишком мало света попадало внутрь с улицы. Лим предпочел бы дожидаться встречи с Агрондом в другом месте, но отвергнуть приглашение князя значило пренебречь его гостеприимством и нанести оскорбление. Это могло положить конец их беседе еще до ее начала.

Заглушив подозрения, Лим поднялся на крыльцо. В следующее мгновение дозорный схватил его за кафтан и с силой швырнул вперед. Лим пролетел вниз несколько локтей и рухнул на влажную утрамбованную почву, неудачно приземлившись на правую руку. Пальцы укусило болью, голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Сверху грохотнула захлопывающаяся деревянная крышка, и весь мир исчез в охватившей Лима темноте.

Глава 9. Святилище

Начавшийся в полдень дождь к вечеру почти истратил силы, но так и не прекратился. Окна подрагивали от разбивающихся о Предел потоков ветра, пришедшего с южной стороны. Он проникал через щели в стенах, отчего замок гудел подобно пустому железному бочонку. Молчаливый Предел стоял на этой земле больше десятка веков, и его черные камни медленно, но неизбежно разрушались. Мастера замазывали трещины глиной, и во время сильных дождей она размокала, источая густой земляной запах.

Сегодня площадь на вершине Предела пустовала, как и небо над ним: от воды перья грифонов слипались, а шерсть переставала согревать, поэтому почти все звери не покидали Гнезда. Дозорные и жрецы, выполнявшие долг без оглядки на погоду, обрабатывали крылья своих грифонов жирным составом, вываренным с лозами черновника и дубовой корой, но даже так не поднимались в воздух надолго. Обычно в сырую погоду мастера чинили седла и поводья, птичники чистили соколиные клетки, кастелянша Эпат расхаживала по замку с большой корзиной и собирала одежду и белье, которым уже требовалась встреча с иглой, а всадники просиживали штаны за картами или игрой в кости. Старик устраивался в продавленном кресле возле очага в главном зале и рассказывал ученикам истории из своей долгой жизни, но в этот раз предпочел пораньше отойти ко сну.

Главный зал Молчаливого Предела располагался выше остальных общих помещений, на одном уровне с площадкой, ведущей к покоям Тис. В начале времен все всадники жили в нем, пока мастера обустроивали остальные комнаты. После этого зал служил местом для сборищ, уроков и хранения книг, не представлявших большой ценности. Там всегда было душно. Посередине тянулись два освещенных массивными люстрами стола длиной в семь локтей каждый. В дальнем углу зала полукругом располагались полки с книгами: сборниками песен, сказаний, историй и рецептов.

Стену рядом украшала широкая доска, на которой, словно плоды на старой груше, висели двадцать восемь соломенных кукол-олицетворений. По традиции правитель сплетал такую каждому вступавшему в гильдию. Если кто-то из общины нарушал клятву, соломенный человек исходил кровью, если погибал — кукла падала с крючка, как и в случае отречения. Олицетворение Старика, что сплела его мать Ифиль больше сотни лет назад, потемнело от времени, но чудом не рассыпалось. Кукла Тис была украшена белыми перьями и золотыми цепочками. Олицетворения Хуро и Лима, одинаковые до мелочей, располагались в самом центре доски, а рядом с ними — куклы Талы и Аффи, раскрашенные охрой и оплетенные белыми и синими ленточками. Последние несколько столетий гильдия не набиралась в полном составе, поэтому семь крючков пустовали.

Хуро задержал взгляд на доске. Скоро ли примет Тис новых учеников после того, как нескольких всадников отправят жить в города? Репутация гильдии после гонений восстановилась, и ее положение стало почти столь же высоким, как в начале времен, однако немногие отваживались связать свою жизнь с Пределом. Это было служение, полное лишений и строгих правил, а сам замок располагался далеко от городов. Большая часть гильдии пополнялась потомками тех, кто раньше сам жил в Пределе. Иногда в замок приводили сирот или младших детей, надеясь избавиться от лишних ртов, как это было с Талой. Но, кто бы не появлялся у подножья Предела, его ждали испытания. Бывало, ученики имели проблемы с памятью или чистописанием, но в таком случае они всегда могли выучиться ремеслу и остаться в качестве рабочих. Полеты на грифонах, однако, должны были освоить все: от гончаров и прачек до всадников и знахарей. Именно на этой части обучения многие сдавались, отступая перед страхом или неумением выдерживать нагрузки на высоте.

Сам Хуро толком даже не мог вспомнить, когда впервые оказался на грифоньей спине. Тис рассказывала, что принесла их с Лимом в замок верхом на Севере, когда им не было и четырех лет. Новые ученики, пришедшие в минувшем году из Озерного Берега, только начинали постигать искусство всадников. Их было трое: Синяя, Паут и Крувор. Сейчас они склонились над листами, упражняясь в переписывании смазанной годами страницы «Свода дней» под присмотром Талы. Хуро напросился помочь, больше за тем, чтобы оправдать свое нахождение рядом с ней. Краем глаза он поглядывал и на Тис, засевающую за книгой в кресле у очага. Помогал ей ликритонис или нет?

— Я закончила! — Синяя протянула лист Тале и отложила угольный карандаш в сторону.

— И я, я тоже закончил, — пробубнил Крувор, спешно дописывая предложение. Паут беспомощно глянул на них и с усердием налег на карандаш.

— Молодцы. — Тала отдала Хуро один из листов на проверку, второй оставила у себя. — Паут, не торопись. Скорость работы — это хорошо, но тщательность важнее. Не гонись за другими, если тебе удобнее писать в своем темпе.

Хуро закивал, подтверждая ее слова, но сосредоточиться на тексте не мог. Что-то в Тис казалось ему странным. То и дело поворачиваясь к сестре, он еще раз пробежался глазами по строчкам. Это был отрывок из «Свода дней», дополненного правительницей Иффиль.

«В 779 году от появления Светлых совет Молчаливого Предела возглавил Нумрор из рода Мон, потомкам известный как Нумрор Горделивый, и был он правителем следующие четырнадцать лет, вплоть до гибели своей в 793 году. На время его пришлась Гиблая десятка. В 780 году на Нокораду обрушились дожди, и лили они больше обыкновенного. Реки и озера пресыщались влагою и покидали берега, поля и пастбища становились болотами, и не было спасения даже на северном побережье земель, засушливом и жарком. Плодородные земли у Серебряного Города обезлюдели и истощились, огороды у Озерного Берега стали трясиной, корабли Каменного Причала не выходили в море. Распространились болезни и мор, люди покидали деревни и уходили в города, неся с собой поветрие и голодные рты, которые князьям было не прокормить. Тогда Нумрор созвал всадников своих и отправил их на помощь. Десять полнолуний грифоны переносили на спинах терпевших бедствие в непроходимых частях Нокорады, перетаскивали бочки с провиантом, доставляли знахарей и травников к больным, ловили скудную дичь, которую не могли добыть обессиленные охотники. В то время с глаз людей спала пелена, наведенная князем Бротом, и увидели они в гильдии не нахлебников, но спасителей. За десять полнолуний Молчаливый Предел лишился пятерых грифонов и семерых всадников, и сам Нумрор едва не умер от дурного кашля. В 781 году, когда непогода отступила, князь Серебряного Города Антил принял гильдию у себя и выставил им за помощь три сундука: с медью, серебром и золотом. «Благодарю тебя, князь, но трех сундуков добра мы не заслуживаем, — отвечал ему Нумрор. — Достаточно лишь одного, но доверху заполненного зерном, что взрастят спасенные тобою крестьяне». Выставить такой сундук Антил не мог: во время ненастья он не позволял крылатому дозору покидать стены и не пускал страждущих в город. Нумрор удался в Предел, не прикоснувшись к деньгам смущенного князя, чем и заслужил свое прозвище».

Хуро наконец дочитал лист и вновь взглянул на Тис. Вот что его насторожило: за все время она не перелистнула ни одной страницы, оставаясь недвижимой, подобно статуе.

— Все правильно. — Хуро вернул лист Тале и вышел из-за стола, прихватив с собой табурет. — Продолжайте.

Тихо, словно боясь спугнуть, он приблизился к Тис и уселся напротив. Она не замечала его, смотря в одну точку посреди страницы. Придерживавшие книгу пальцы все еще покрывали черные пятнышки, но на этот раз они показались Хуро светлее, чем раньше.

— Тис, — позвал он, и сестра наконец заморгала. — Ты в порядке?

— Что? — Она растерянно поглядела на него. — Да, все хорошо. Я задумалась, кого бы в первую очередь послать в города. Лучше загодя определиться и не принимать потом решение в спешке.

— *Настолько*загодя? — Хуро показалось, что Тис сказала первое, что пришло ей в голову. — Аффи вернется только через несколько полнолуний, а Лим — и того позже.

Тис согласно кивнула и прикрыла книгу. Украшенная золотой проволокой обложка блистала в свете очага: трактат правительницы Минки «Минувшие времена», описывавший историю до появления Светлых. Минка создала его в тридцать пятом году, и многое взяла из рассказов людей, еще заставших времена старого мира. Первый экземпляр хранился в отдельном сундучке, запертом в архиве, но этот был новым.

— Понимаю, еще рано, но распределение потребует отдельной подготовки. — Тис устало потерла лоб. — Хуро, как ты смотришь на то, чтобы стать одним из всадников на местах? Не одному, а, скажем, вместе с Талой?

К лицу Хуро подобралась краска, но тут же отхлынула. Справившись с порывом обернуться на Талу, он пожал плечами:

— Сделаю, как ты скажешь, особенно если это пойдет на благо гильдии. Но разве я не нужен здесь?

Тис улыбнулась.

— Нужен, Хуро. Но тебе не стать хорошим правителем, если не поживешь среди людей не из замка. — Она положила книгу на колени и повернулась к очагу, слегка щурясь от яркости пламени. — За год до того, как отец передал мне пост, я отправилась в путешествие по Нокораде вместе с еще одним всадником. Сколько бы я не летала на миссии раньше, тот год научил меня куда большему.

— Ты уже рассказывала. — Хуро обнаружил, что дрожит. Он передвинул табурет ближе к очагу. — Но сперва я хочу быть уверен, что тебе ничего не угрожает.

Ответить Тис не успела. Позади раздался едва уловимый шорох, и нечто легкое и маленькое упало на каменный пол. Тала сдавленно вскрикнула. Одновременно с этим Тис вскочила, и слетевшая с ее колен книга раскрылась на развороте, изображавшем фазы луны, когда она еще светила с небес в одиночестве. Подбежав вслед за Тис к доске, Хуро увидел на полу куклу, руки которой были оплетены белыми нитями, а в груди поблескивал осколок лунного камня. Кукла принадлежала жрецу.

— Что случилось? — спросил один из учеников, и Хуро даже не понял, кому из детей принадлежал голос. Он повернулся к Тале, побледневшей и растерянной.

— Оставайтесь здесь, — приказала им Тис и бросилась к двери, потянув Хуро за собой.

Они спешно вышли на площадку, и Тис на мгновение остановилась, дыша тяжело и хрипло. Хуро подхватил ее под руку, боясь, как бы сестра не лишилась чувств.

— Вот темнота, — отрывисто произнесла Тис, словно не успевая за рождавшимися в ее голове мыслями. — Сейчас возьму Севера и проверю, быть такого не может.

Грохот тревожного колокола, встряхнувший каждый камень в засыпанном замке, говорил об обратном. Хуро за всю жизнь не слышал, чтобы звонили так долго и отчаянно, каждый удар проходил через его тело прибойной волной. Тис же этот звук вывел из оцепенения. Она оттолкнулась от руки Хуро и побежала вверх по лестнице, ведущей из западной части замка на площадь.

Первое, что Хуро увидел наверху, был Блик — грифон дозорной Анвы. Зверь спрятался от дождя под навесом у входа и мелко подрагивал от порывов ветра. Сама Анва почти повисла на веревке, раскачивая тяжелый и неповоротливый язык колокола. Заметив Тис, она бросила свое занятие и устремила к ней навстречу.

— Тис! — По срывавшемуся голосу Хуро понял, что дозорная рыдает. — Беда!

— Что с Вингом? — спросила Тис, когда Анва остановилась в пяти шагах от них.

— У... — дозорная захлебнулась плачем. — Убили, Тис. Винга кто-то убил. И Ворону забрали, и самородок.

— Заведите всех в главный зал и не выходите, пока я не вернусь, — голос Тис обрел прежнюю твердость. Она подхватила Блика за ошейник и вывела из-под навеса. — Где Тирп?

Дозорная всхлипнула.

— Он пытается догнать их. Хвоя-то побыстрее моего зверя. О, Светлые...

Анва закрыла лицо руками и забежала в замок. Хуро замер, глядя, как Тис поднимается в седло. Ему хотелось возразить, не отпускать ее в святилище одну, но слова все не выходили из его рта.

— Хуро, ты меня слышал? — Тис намотала поводья на левую руку, а правой дважды хлопнула Блика по лопатке. — Не стой столбом!

Грифон заклекотал и поднялся в воздух, потеряв одно перо из хвоста. Лишь когда зверь скрылся за краем Перстня, Хуро заставил себя двигаться и медленно, словно во сне, побрел в замок.

Дождь за спиной забарабанил по площади с удвоенной силой.

Глава 10. Странники

Криша, староста деревни Огниво, поднесла серебряное кольцо к носу, еще раз принялась, осмотрела украшение на свету. Глубоко посаженные глаза с подозрением глянули на Шана из-под темных бровей.

— Точно настоящее?

— Да, госпожа, — ответил Шан. — Это чистое серебро, да не дадут мне Светлые изречь ложь.

Она положила кольцо на стол и нахмурилась, постукивая узловатыми пальцами по крашеному дереву. Рядом стояло блюдо с обжаренным в тесте окунем, к которому староста не успела притронуться из-за появления Шана.

— Тем хуже, — в ее словах промелькнуло разочарование. — Во всем Огниве не сыщется столько золота и медяков, чтобы обмен состоялся. Придется тебе сперва зайти к меняле в Серебряном. Ой, ты что это? — Она вскинула брови и вжалась в кресло, увидев, как Шан опустился перед ней на колени.

— Госпожа, мне не нужны монеты. Забирайте кольцо, а мне взамен только вола бы покрепче и немного хлеба, — взмолился он. — Клянусь, я не потребую возмещения!

Криша медлила, бросая взгляд то на гостя, то на лежащее перед ней кольцо. Наконец она повернулась к приоткрытой двери, обрамленной косами из тонких кожаных полосок.

— Харз! — крикнула Криша, и на пороге возник рослый мужик в шерстяном жилете. — Пусть погонщики подготовят для господина моего вола. К седлу привесь сумку с тремя булками хлеба и кошель с медяками. Перченую солонину тоже положи, если еще осталась. Живее, ну!

Когда они вновь остались вдвоем, Криша кивнула на стоявшее напротив кресло для посетителей.

— Ты садись, поешь хотя бы перед дорогой. А заодно Расскажи, что за нужда тебя заставила идти на такие жертвы.

Она придвинула блюдо с окунем, и Шан почувствовал, насколько был голоден все это время. Он осторожно приподнял рыбу за усохший хвостик и откусил от тушки маслянистый кусок. «Вкуснее, чем любое кушанье во дворце».

— Серебряный Город сейчас закрыт. — Шан на миг задумался, решая, стоит ли раскрывать правду деревенским. — Там страшное поветрие. Поэтому не позволяйте никому приближаться к стенам.

Криша ахнула и покачала головой.

— Н-да, — протянула она, — не зря, значит, Странники к нам зачастили.

Шан вытянул из еще одного кусочка тонкие кости и отправил его в рот.

— Странники? — Он постарался развернуть разговор в другое русло, подальше от цели своего путешествия. Не хватало еще, чтобы молва разнесла вести о проклятии по всему континенту. — Вы про людей или про духов?

Криша усмехнулась, пряча кольцо в ящик стола.

— Духи, не духи, кто же их знает. — Она вдруг посерьезнела. — Верь или нет, а ходят по дорогам-то. Вот третьего дня опять были, мне Харз рассказывал. Вывел на заре стадо, чтобы к пойме гнать, а они тут как тут! — Криша перешла на шепот. — Шли по тракту и спорили о чем-то, да так, что на околице слышно было. Харз проморгался, а они исчезли, как в тумане растворились.

Следующий кусок окуня обдал язык горечью, и Шан поспешно проглотил его, чтобы ненароком не поморщиться. Значит, духи из сказаний начали являться местным во плоти,

будто пелены над Серебряным не хватало. Что вообще произошло с центральными землями Нокорады с тех пор, как Шан их покинул?

— Может, это простые путники? — неуверенно предположил он. — И не исчезли они, а просто свернули с тракта?

В дверь раздалась два коротких стука, она с тихим скрипом приоткрылась. Шан вздрогнул и на всякий случай отставил от себя блюдо с окунем.

— Госпожа Криша. — В кабинет, к облегчению Шана, вновь заглянул Харз. — Почтовый к нам прилетел. Говорит, для вас посылки и письма есть. Примите?

Криша раздраженно поджала губы.

— Эх, нечистая занесла! Пускай заходит.

Почтовый? Шан нервно заерзал в кресле. С момента побега он уже несколько раз менял свой план, но все равно собирался первым делом добраться до Почтовой башни, отправить князьям письма и одолжить грифона, чтобы полететь в Молчаливый Предел. Если почтовый окажется сговорчивым, может, помощь получится найти быстрее?

Когда он вошел в кабинет, Шан мигом утратил желание раскрывать свое имя и причины, по которым прибыл в Огниво.

— Светлого дня, Ольх. — Криша обернулась к почтовому и приглашающе кивнула. — Давно ты в наши края не залетал.

Ольх приблизился к столу, грохоча сапогами по деревянному полу. Волосы почтового, уже затронутые сединой и спутанные, вились змеями ниже плеч, почти сливаясь с темным кожаным сюртуком. Пустые голубые глаза, неподходящие его обветренному скуластому лицу, глянули на Шана с нескрываемым подозрением.

— У нас с Роной дел, как в башне соколиного помета, — проворчал почтовый, и поставил перед Кришей мешок. — Смотри вот, что для тебя скопилось.

Криша отерла руки о платье и вытрясла из мешка с десятков свертков разного размера. Вытащив из-под стопки бумаг тонкий нож, она принялась разрезать бечевку. Нить под натиском лезвия лопалась со звуком жука, раздавленного ногтем.

— Если будешь писать ответы сразу, то поторопись, — произнес Ольх, все еще поглядывая на Шана. — Я и так здесь задержался пуще положенного.

Шан отвернулся, делая вид, что изучает резную отделку окна. Уж чему-чему, а отличать друзей от врагов за годы скитаний по континенту он научился. Этот почтовый точно не годился на роль союзника.

— У тебя знакомое лицо, господин. Не могли мы раньше видеться? Если не с тобой, то с твоей родней? — спросил Ольх, и по спине Шана пробежали колючие мурашки.

«Побери его тьма, неужели догадался, кто я?»

— Я из Речного Холма, из рода купцов Хадар, — ответил Шан первое, что пришло на ум. — Вы могли встречать моих родных на крупных рынках. Но вас я что-то не припомню.

— Слыхал о твоей семье. — Ольх сложил руки на груди, отчего полы его сюртука поднялись, открывая висящий на поясе нож. — Стало быть, в Серебряный Город направляешься торговать?

— Боюсь, что нет. Еду в Травяной Перевал за золотыми красками для тканей. А в Серебряном и не бывал никогда.

Криша бросила на него взгляд исподлобья, но смолчала и продолжила царапать карандашом бумагу. Шан принял это за согласие поддержать его ложь.

— На юге перевелись красильщики, и ты отправился в путь через весь континент за парой склянок с золоченой жижей? Один, без каравана и охраны? — голос Ольха стал жестче. — Занятие глупое, если не брешешь.

— На вот. — Не успел Шан ответить, как Криша сунула в руки почтового небольшой сверток и мешочек с монетами. — Лети отсюда, что б духу твоего тут не было. — Она погро-

зила кривым пальцем. — И крепко запомни: с моими гостями так говорить никому не позволено, пока я в Огнине главная.

— Прошу простить мою неучтивость. — Ольх забросил письмо в мешок и отвесил неуместный поклон. — Спокойной дороги, господин Хадар.

Вечерний воздух настоялся под солнцем и впитал ароматы свежей зелени, дождя и первых луговых цветов. Пушок — высокий белый вол, которого удалось выменять в Огнине, — ступал по тракту мягкими быстрыми шагами, и колокольчики на его подпиленных рогах нежно позвякивали. Шан развалился в седле, глядя на подсвеченные закатным солнцем облака, перьями разлетевшиеся по небу. Только бы среди них не нарисовался грифон с Ольхом на спине. Что заставило лгать ему, и было ли это решение правильным? Возможно, Шан упустил шанс привести помощь. Но простой почтовый не стал бы допытываться, кто он и откуда. Связан ли Ольх с пропажей грифонов из крылатого дозора или с появлением пелены? А может, события последних дней сделали из Шана безумца, видящего в каждой тени злодея с наточенным кинжалом?

Одно Шан понял точно: он ни за что не поедет в Почтовую башню, где подобных Ольху могло быть хоть отбавляй. Безопаснее отправить соколов из города. Лесные Копи ближе всего, но Шан не представлял, как отыскать дорогу в той чаще. Путь до Озерного Берега занял бы пару полнолуний — непозволительно долго для нынешних обстоятельств. «А ведь у меня сейчас мог быть свой грифон, — подумал Шан с досадой. — Сойка бы мигом отнесла меня, куда нужно».

За поворотом Шан уловил едва слышное журчание воды, доносившееся сквозь растущие плотными рядами деревья. Он натянул поводья, и Пушок послушно остановился, помахивая хвостом. Шан достал из седельной сумки флягу, встряхнул. Почти иссякла, да и вол давно не пил. Шан спешился, взял Пушка под уздцы и отвел от дороги. Почуввав привал, вол опустился на траву и склонил массивную голову, мерно перетирая во рту жвачку. Шан отцепил от седла сумку, чтобы не дать Пушку раздавить запасы, прихватил деревянное ведро и направился к источнику, уворачиваясь от мелких веток, норовивших расцарапать лицо. «Хорошее дело. Еще недавно спал на перинах и ел из золотых блюд, а теперь шатаюсь по тракту с грошами в кармане. Все вернулось к своему прежнему виду».

— И вновь придет весна, как сотни лет подряд, — тихо пропел он вслух. Это была строчка, кажется, из «Повести о светлых днях», но от усталости Шан не мог за это ручаться. Все время после побега из Серебряного Города он только шел и шел, и первый отдых позволил себе только в Огнине. С Пушком стало немного проще, но все же ноги и спина, отвыкшие от подобной жизни, нестерпимо ныли, а на стопах образовались кровоточащие мозоли.

Впереди показался ручей. Шан откупорил флягу, вылил остатки горького отвара в рот и подставил горлышко сосуда под холодный поток. Наполнив следом ведро, Шан умылся и мигом пожалел: струйки сбежали по коже за шиворот кафтана, заставив поежиться, и промочили рубаху. «Значит, без костра теперь не обойтись». Шан отыскал подходящие кусты и наломал пучок веток вперемешку с прошлогодней желтой травой. В очередной раз зацепившись кафтаном за ветку, он засомневался, поверят ли ему, когда он назовет свой титул, стоя перед князьями в грязном и рваном тряпье. Из доказательств происхождения у Шана были только слова и сходство с отцом.

«Княжич Шантар из рода князя Серебряного Города Фильдана Феряза, его единственный сын и наследник взывает ко князьям великих поселений. Пятнадцатого дня сего года на город наш опустилась черная всепожирающая пелена, жители не выходят из домов своих и страшатся. Нет из стен ни въезда, ни выезда, и продержится Серебряный столько, сколько снеси хранится в закромах. Во имя Светлых прошу отправить на помощь нам лучшие умы, дабы они смогли изгнать пелену или проложить горожанам путь наружу», — еще раз повто-

рил в голове текст своего послания Шан, пробираясь к дороге. Выходило складно, хоть он и терпеть не мог манеру письма, принятую для общения с высокопоставленными особами.

Солнце стремительно опускалось за горизонт, сумрак прятал притаившиеся на пути кочки и ямы, превращал пролесок в мешанину из веток и коры. Но даже это не помешало заметить около Пушка всадницу в почтовом сюртуке.

— Лунной ночи, господин Хадар! — крикнула она, когда Шан уже хотел скрыться за деревьями. — Вы, видно, заблудились?

Шан крепче стиснул ручку ведра и вышел к дороге. Почтовой известно, именем какого рода он назвался, значит, без вмешательства Ольха тут не обошлось. «О, Светлые, и как теперь от них отделаться?» Шан бросил охапку веток на траву и поставил перед волом воду. Чуть поодаль чистился грифон, опереньем напоминавший воробья, но больше на тракте не было ни души.

— Лунной ночи, — пробормотал Шан. От незнакомки, как и от Ольха, веяло опасностью. Не открытой, тщательно запрятанной за доброжелательной улыбкой. — Остановился на ночлег, как и любой, кто устал в дороге.

— Вижу, вы *очень* устали. — Она пригладила растрепавшуюся на ветру челку. — Травяной Перевал ведь в другой стороне. Давайте провожу? Ольх попросил меня приглядеть за вами.

— Я возвращаюсь домой, — отрезал Шан и принялся готовить место для костра, всем видом показывая, что этот разговор ему надоел. — Дождусь там отправки следующего каравана. Передайте слова благодарности вашему напарнику: он напомнил мне об опасностях, что поджидают одинокого путника.

Ладонь почтовой мягко легла ему на плечо.

— Со мной вы не будете одиноким. Не отказывайтесь, господин Хадар. Лучшей провожатой не найти.

— Я ее не ищу. — Шан сбросил ее руку, опустил на колено и принялся выбивать искру. Огонь все не занимался. — Но благодарю за внимательность к судьбе мелкого купца, обязательно припомню вас добрым словом.

Почтовая присела на корточки у костра.

— Никакой ты не купец. У тебя слишком тоскливые глаза для торгаша, — произнесла она. На сухую траву наконец вылетели несколько искр, среди сваленных в кучу веток затрещало новорожденное пламя. — И знак бычьей головы на сапогах. Такие при дворе Фильдана носят, никак не в Речном Холме.

Шан протянул руки к огню, но тепла не ощутил.

— Что вам нужно? — наконец спросил он.

— Хотим помочь. — Почтовая брезгливо смахнула мотылька, усевшегося на челку. — Кто знает, может, ты тащишь с собой проклятье из Серебряного? А нам известно, как с ним совладать.

— Если так, почему пелена все еще над городом? Почему вы никому до сих пор не рассказали?

Он повернулся к почтовой, и та быстрым движением достала из кармана бутылек, наполненный, как показалось Шану в то мгновение, черным песком. Она уже схватилась за крышку, когда по тракту разнесся звон колокольчиков. Почтовая отшатнулась и, прикрывая лицо воротником, побежала к грифону.

По дороге медленно тянул старую телегу красный вол с массивными рогами, увешанными колокольчиками. Его шкура даже в сумерках казалась подсвеченной закатным солнцем. На козлах телеги сидели двое в плащах и капюшонах, скрывающих лица. «Слишком много людей вокруг меня. Не к добру».

— Любезный господин, нет ли поблизости воды? — хрипло крикнул тот, что был повыше. — Нам нужно наполнить фляги.

— Там ручей. — Шан махнул рукой в сторону пролеска и мельком глянул на дорогу впереди. От почтовой и ее грифона не осталось и напоминания.

Телега остановилась у костра. Незнакомец спрыгнул с козлов, гремя связкой пустых фляг, и молча исчез за деревьями.

— Вы видели почтового грифона? — обратился Шан к оставшемуся на телеге путнику. — Только что улетел отсюда.

Второй путник молча склонил голову набок. На миг Шан подумал, что подозрения в собственном безумии оказались верными, и не было никакой почтовой, пытавшейся бросить в него бутылек не весть знает с чем.

— Ночь приходит. — Голос, донесшийся из-под капюшона, принадлежал женщине. Слова звучали тихо и напевно, словно колыбельная. — Темнота глубоко прорастает в души, и в соколином гнезде селятся стервятники.

«Если я действительно спятил, то хотя бы не в одиночку». Шан потер лоб, пытаясь избавиться от липкой усталости. Скорее бы эти двое ушли, и беспокойный день закончился. Тогда Шан свернется на земле и будет спать до самого восхода. А потом... Потом пойдет, куда ноги понесут.

— Лезешь на рожон, когда должен затаиться, — произнесла незнакомка, будто отвечая его мыслям. — И прячешься, когда должен выйти.

— Что?

Женщина тихо вздохнула.

— В белых стенах ты рожден, но судьба твоя — в стенах черных. Добрые птицы слетятся туда, следуя твоему зову.

«Магнимур?» Шан вспомнил взмывающие в небо черные стены, увенчанные чугунными кольями. Страшась гнева Светлых, великие поселения ни разу не вступали друг с другом в противостояние, но Магнимур ошетинился из-за разбойничьих шаек, обитавших в его окрестностях на заре новых времен. Так Шану говорил отец.

— Набрал водицы, — раздался голос за спиной. Путник, о котором Шан уже успел забыть, швырнул в телегу наполненные фляги и взобрался на козлы. — Теперь и в путь пора.

— Подождите! — Шан вскочил. — Город, о котором ты говорила — это Магнимур?

Путница отвернулась, дав понять, что больше не проронит ни слова. Красный вол ступал по тракту все быстрее.

— Приносим извинения, господин. Нам и впрямь уже пора. — Мужчина повернулся к коробу телеги, поднял оттуда пыльный мешок и бросил Шану. — Примите в знак благодарности за помощь с водой.

В руках Шана оказалось нечто тяжелое. Он распахнул мешок и узнал лежавший в нем предмет еще до того, как смог толком разглядеть.

Корону называли сапфировой не от того, что синие камни служили ее украшением. Она целиком состояла из огромного сапфира, холодного и прекрасного. Шан потер пальцем резной узор на венце, будто не до конца доверяя собственным глазам.

Когда он поднял голову, тракт был пуст. Ни звона колокольчиков, ни скрипа удаляющейся телеги, ни грохота колес по камням. Только еле слышно сопел Пушок, и ветер лениво гладил кроны деревьев.

На черном шелке неба проявились две полные луны.

Глава 11. Создание

Последний кусок краяхи неприятно поскрипывал на зубах, вкусом напоминал пережженную сосновую кору, но от него хотя бы затихал желудок. Лим проглотил остатки хлеба, и нутро отчаянно затребовало воды. Когда только успела иссякнуть сброшенная стражниками фляга? В подземной темнице невозможно было отследить ход времени, и Лим мог лишь гадать, сколько дней здесь провел. Наверняка не меньше двух: на подбородке и щеках успела вырасти колючая щетина.

Он прижался спиной к едва мерцавшему обломку крупного алионита и попытался задремать. Кристалл оставался холодным, ведь на солнце его не выносили, но давал мягкий свет, немного разбавлявший сжимающую со всех сторон темноту. Сон не шел. Лим вновь прошупал пальцы на правой руке. Каждое прикосновение приносило тупую боль, но кости остались целыми. Единственная радость за эти дни. Стражники так и не ответили, за что он был сброшен в темницу. Не помогли ни просьбы, ни угрозы гильдией, ни требования встречи с князем. В седельных сумках остался приказ, а значит, Агронду уже известно, что Лим направлялся не только в Лесные Копи. При случае князь сможет солгать, что Лим уже улетел или вовсе не появлялся в городе. Если гильдия вообще заподозрит неладное прежде, чем ей будет некого спасать.

Чего Лим достиг за эти дни? Погулял на свадьбе в ближайшей деревушке и сделал пару записей об издохших животных, вот и вся история. Светлые не ошиблись, когда послали то ведение. Старик рассказывал, что Тис увидела образ Хуро в короне из белых перьев, а его, Лима, с едва вылупившимися птенцами на руках. Совет спорил до самого рассвета, пытаясь дать точную трактовку: вечернее видение всегда показывало только того, кто станет следующим правителем гильдии. Значит, Светлые в тот раз подчеркнули красными чернилами: Лиму не следует и надеяться, что однажды сможет вылететь из Гнезда. Но он рискнул, и теперь пожинал плоды своей глупости. Жаль, ими нельзя утолить голод.

Наверху, на противоположной стороне от двери, закрипели доски. Мгновение спустя на них обрушился удар, старое дерево ответило глухим хрустом. Лим вздрогнул и поднялся с земли настолько быстро, насколько ему позволяла кружившаяся от изнеможения голова. Хруст повторился уже громче, выдавленная доска шлепнулась на земляной пол, за ней вторая и третья. Легкие шаги прошуршали над головой Лима и остановились у крышки.

— Эй, ты живой там? — голос был девичьим. — Двигаться можешь?

— Могу! — Лим постарался, чтобы наверху его точно услышали. — Кто ты?

— Сейчас открою крышку, — проговорила незнакомка, оставив вопрос без внимания. — Твоего зверя я уже отвязала и вывела из стойла, но полетишь на нем без седла. Седло и сумки отдам, как выберемся. Встретимся у плоской скалы, она будет на юго-востоке отсюда, верстах в двадцати. Понял?

— Ладно, — отозвался Лим, не смея спорить. По крайней мере, пока.

Что-то тяжелое грохотнуло по крышке, протяжно закрипели несмазанные петли. Сверху посыпались щепки, и мгновение спустя перед Лимом возникла полуистлевшая деревянная лестница. Он взобрался по ней, стараясь не обращать внимания на боль в пальцах. В стоявшей перед ним девушке, освещенной напитанным солнцем алионитом, Лим не без удивления узнал светлокосую, сражавшуюся на арене в день прибытия. В этот раз на воительнице был черный кожаный доспех с вырезанной на панцире эмблемой кристалла. В руке она держала увесистый топор с длинной рукоятью, оплетенной выжженными узорами из точек, полос и яростных личин.

— Сейчас сбегутся на шум, — опасливо прошептал Лим, косясь на дверь.

Девушка отмахнулась:

— Не рискнут. У нас никто после заката не выходит наружу, еще и окна закрывают. Будь замок на этой двери слабее, я бы и его сбила. — Она прошла в дальний угол, где в стене зиял проход, образовавшийся от выдавленных досок. — Не пугайся, если странное увидишь. И не отходи от меня далеко, понял?

Лим молча кивнул. Сейчас он был готов пойти за кем угодно и куда угодно, если это сулило свободу и встречу с Пеплом.

Лесные Копи поглотила непроглядная промозглая ночь. От дыхания Лима в воздухе клубился пар, зато ушибленная рука на холоде немного успокоилась. За ними наблюдали — Лим чувствовал это явно, будто каждый чужой взгляд втыкал в его спину иглы. У одного из домов собралась собачья свора. Черные звери едва выделялись в темноте, и, если бы не закрепленный на стене алионит, Лим бы ни за что их не заметил. Псы разом повернули к нему головы, но не издали ни звука. На петлявшей среди деревьев улице встретилось стадо коз, бредущих куда-то без пастуха. Их шкуры и рога тоже были угольно-черными.

Наконец Лим со спасительницей спустились с небольшого холма, у подножья которого стояла вытянутая заросшая мхом постройка для волов. Пепел увлеченно рыл клювом землю рядом с ней, но, почуяв хозяина, поднял голову и заклекотал.

— Дело за малым. — Девушка сорвала с ближайшего столба кристалл алионита. — Забирай зверя и пойдем к площади. Взлетать будете с ристалища.

— Спасибо. — Лим взялся за ошейник. — Могу я узнать твое имя?

Светлокосая вновь отмахнулась.

По улицам они пробирались медленно: при встрече с животными Пепел фыркал и распушался, поэтому Лиму приходилось останавливаться, чтобы успокоить его. Перед высоким домом князя Агронда девушка подняла руку.

— Подожди. Видишь, ползет?

Через площадь медленно тянулась огромная змея, толстая, словно бочонок для соли. Ее черная чешуя переливалась в свете кристаллов, мускулы волнами играли под шкурой. Пепел вновь зашипел и поднял крылья.

— Это горная змея? — тихо спросил Лим, почесывая грифона под клювом. — Я думал, они только серые.

— Создания такими не бывают. Не важно, какая у них суть.

Лим не понял этой фразы, но просить объяснений не стал — хвост змеи исчез за поворотом. Они поспешили к ристалищу, и уже около возвышавшейся на ней башни Лим с трудом взобрался Пеплу на спину.

— Может, отдашь седло? Я без него раньше не летал.

— Научись, — отрезала девушка. — А то с ним ты упорхнешь, и поминай как звали. Отдам на плоской скале.

— Ладно. — Лим дважды хлопнул Пепла по правой лопатке, и грифон, взлетев почти вертикально, выскользнул из леса через прореху в кронах, окружавших арену. Лим сжал бока Пепла ногами, вцепился в закривок, и правая рука тут же заныла. На высоте грифон наконец принял привычное положение, и Лим взялся за поводья.

Над верхушками деревьев было светлее. Горизонт уже горел красным, ночь отступала, хотя внизу казалось, что до рассвета еще далеко. Лим пообвык лететь без седла, но все же придерживал Пепла за ошейник на случай, если грифон решит резко нырнуть или подняться выше. Однако зверь держался ровно, и даже двигался медленнее обычного.

Когда они миновали кромку леса, Лиму стало спокойнее. Он еще не до конца осознал, что вновь свободен, но уже думал, как сообщить о произошедшем в Предел. Что-то внутри него предлагало вовсе вернуться домой, но Лим отмел эту идею. «Полечу в Туманный Двор, как и собирался, — решил он. — Там найду если не почтового, то хотя бы сокола».

Когда солнце поднялось, Лим наконец заметил то, что его спасительница назвала плоской скалой — внушительного размера камень, верхушку которого словно срезало исполинское лезвие. Грифон опустился прямо на скалу, и Лим наконец спешился, цепляясь за шерсть зверя, чтобы не свалиться от головокружения.

— Попали мы с тобой, да? — пробормотал Лим, все еще опираясь о спину Пепла. Грифон заклекотал, встряхнул крыльями, и только сейчас Лим заметил, что правое крыло слегка опущено. Он провел пальцами по черно-желтой шерсти на суставе, и на коже остались кусочки запекшейся крови.

— Да что б их тьма забрала, — злобно бросил Лим. Порез неглубокий и заживет без следа, но как вообще они посмели вредить грифону? — Ничего, сейчас нам вернут седло, и я обработаю рану. Ладно?

Пепел вдруг дернулся и зашипел, направив взгляд в сторону оставшегося позади леса. Лим обернулся и различил черную точку, скачущую к ним по земле. Когда расстояние стало меньше, точка превратилась в животное, по размеру походившее на вола. Только двигалось оно совершенно иначе, да и шея, с которой свисала шерсть, была слишком длинной и тонкой для вола. На спине существа ехала светлокосая, а значит, как надеялся Лим, бояться не следовало.

— Тише, тише — пробормотал он Пеплу. — Сейчас все выясним.

Существо остановилось в десятке локтей от скалы, и девушка выпрыгнула из закрепленного на его спине грифоньего седла.

— Что это такое? — крикнул Лим.

— Создание, — пожала плечами светлокосая. — Спускайтесь, она не опасная.

Лим мешкал, но все же забрался на Пепла и отправил его вниз. Грифон, спикировав на землю, распушился, не сводя глаз с неизвестного существа.

— Меня зовут Нэрита. Лучше просто Нэри, — девушка уселась прямо на землю, положив топор рядом. — А ее, — она махнула в сторону существа, — я зову Омелой. Мы так и не поняли, что она вообще такое, но раз с копытами, значит не хищная.

Лим опустился на траву напротив, рассматривая Омелу. То, что он издали принял за шерсть, напоминало скорее человеческие волосы, и свисало не только с шеи, но и с хвоста.

— У кабанов тоже копыта, но лучше с шакалами столкнуться, чем с кабанами, — с сомнением произнес Лим и кивнул на оружие. — А топор ты всегда с собой носишь?

— Это секира. — Нэрита вновь пожала плечами. — Стараюсь. Ты, кстати, так и не назвался.

— Прости. Меня зовут Лим Арген. Прежде чем ты расскажешь, что у вас творится, сними мое седло со своего зверя, ладно?

— Пока не сниму, — беззаботно ответила девушка. — Сперва пообещай помочь.

— Ладно. — Лим кивнул, сам до конца не понимая, нравится ему такая прямолинейность или нет. — Что у тебя за просьба?

— Мне надо бы в город. В любой, но желательно подальше отсюда, чтобы лесные меня не нашли. Только я дальше этой скалы не заходила, вот и боюсь, что потеряюсь. Хочу, чтобы ты меня проводил.

— Я могу перерисовать тебе свою карту. Хотя бы примерно будешь понимать, куда двигаться, — предложил Лим и запоздало вспомнил, что карты у него уже могло и не быть, как и остальных вещей. — Но взять с собой, прости, не могу — я на миссии.

Нэрита замотала головой.

— Не-а, не пойдет. Я только на свое предложение согласна. — Она хитро прищурилась. — Да ты подумай, Лим, я ведь пригожусь. Мне ребята сказали, вы кровь не можете проливать, и ваши птички на людей не очень-то нападают. А я никаких клятв не давала. — Нэри кивнула на секиру. — Ее в ход пушу, если снадобится.

— Понадобится, — поправил Лим. — Не думаю, что меня будут во всех городах бросать в темницу.

— А разбойники? Щетки, скажем, или Тупоголовые. Их тоже не боишься? Подстерегут где-нибудь, и даже закричать не успеешь, не то, что улететь.

Лим молчал. Нэрита спасла его, но все еще оставалась одной из тех, из-за кого Лим вообще оказался в темнице. «Можно проводить ее до Туманного Двора, а оттуда отправить в Речной Холм или Морской Мост. Уж на тракте-то она не потеряется?»

— Ладно, твоя взяла, — наконец произнес Лим, и ее лицо просияло. — Но верни мне седло прямо сейчас.

Порывшись в сумках, он с облегчением обнаружил, что его вещи не трогали. Лим обработал Пеплу порез заживляющей пастой, забросил седло на спину зверя и принялся возиться с подпругами.

— Ты не обижайся на них, — начала Нэрита. — Видать, Бирюк опять начал требовать даров, вот Агронд и решил вас ему предложить. Может, не стряслось бы ничего плохого. Он не всех забирает.

— Бирюк? — Лим затянул переднюю подпругу. — То чучело из сказаний?

Нэри кивнула, словно речь шла о чем-то совершенно обыденном.

— Чучело, не то слово. У нас все его боятся, особенно когда он ночами под городом шастает. Если просит даров, мы ему еду спускаем или живность какую. Что-то он съедает, к чему-то не притрагивается, а что-то возвращает уже Созданиями.

— Те животные, которых мы видели в городе, — это и есть Создания?

— Ага, и она тоже. — Нэрита подошла к Омеле и принялась расчесывать ее шерсть позаимствованным у Лима гребнем. — Они днем под землей сидят, а после заката выходят. Горожане думают, Создания тоже съедать могут, как Бирюк. Потому-то нос наружу не кажут, пока светло не станет.

Лим закончил с седлом и украдкой наблюдал за Омелой и ее хозяйкой. Нэрита, хоть и не сражалась сейчас, двигалась быстро и плавно, словно иначе не могла.

— Ты, как понимаю, их опасений не разделяешь?

— Не-а, — покачала головой она. — Я уже годков пять по ночам выхожу и на Омеле катаюсь по лесу, да еще и собак иногда с собой беру.

— Послушай, а что жрецы об этом говорят? — В голову Лима забралась неприятная догадка. — Разве они не могут воззвать к Светлым, чтобы Бирюк вам не досаждал?

Нэрита хмыкнула:

— Жрецы у нас надолго не задерживаются. Прошлых вот Агронд сразу под землю спустил, и больше мы их не видели.

— Понятно, — отозвался Лим. В Лесных Копях все было куда хуже, чем он предполагал. И как только гильдия не знает? Ничего, сейчас они доберутся до Туманного Двора, и он отправит сокола в Молчаливый Предел. А пока — постарается вывести у Нэриты как можно больше.

Лим забрался в седло и затянул ремни, надеясь, что не выдал лицом своих мыслей.

— Следуйте за нами и постарайтесь не отставать. — Он повернул Пепла на восток. — К вечеру доберемся до ближайшей деревни, а там уже разберемся, как поступим дальше.

— Как скажешь, — Нэрита запрыгнула на спину Создания, и то зафыркало, как растревоженный грифон.

Лим дважды хлопнул Пепла по лопатке, зверь взлетел, оставляя новую знакомую позади. Вскоре Омела догнала их, двигаясь за Пеплом искаженной тенью.

«Во что же я ввязался?» — невесело подумал Лим и дал грифону команду лететь быстрее.

Глава 12. Решение

Ему давно следовало отправиться в покои Тис, чтобы присутствовать на совете, но Хуро не мог заставить себя уйти с площади. Ранним утром на ней сложили погребальный костер, и кости Винга уже догорали. Пламя отсвечивало фиолетовым — знахарка засыпала дрова смесью перетертых минералов, отчего огонь стал жарче. Скоро кости жреца должны собрать в железный ящик и отправить в подземелья Предела, где покоились сотни всадников гильдии. Воздух над костром подрагивал, расходясь волнами, словно потревоженное камнем озеро. На коленях около костра сидел Эд. Немой птичник сторбился, крепко прижав к себе серебристо-синюю мантию Винга — все, что осталось ему от сына. Рядом в таких же одеждах стояла жрица Гвила, потерявшая спутника. После прибытия новой пары жрецов Гвила навсегда покинет Молчаливый Предел, как того велит закон. Еще одно прощание, которого Хуро не хотел.

Казалось, после смерти Винга над Пределом нависло нечто темное и неизбежное. Оно окутывало каждый камень замка и тянуло лапы к тем, кто покинул его стены. Хуро поднял взгляд к облакам над площадью. «Винг, попроси Светлых, чтобы Лим возвратится домой невредимым. С остальным я постараюсь разобраться сам». Он прижал руки к груди, где гулко колотилось сердце, развернулся и зашагал к воротам в замок, не оборачиваясь на потрескивающие остатки погребального костра.

Зал совета, вытянутый, будто короб, располагался за потайной дверью в покоях Тис. Отсутствие окон в нем возмещалось связками алионитов, гроздьями спускавшихся с потолка на проволочных лозах. На северной стене висел широкий гобелен, изображавший карту Нокорады, украшенную по бокам изображениями вздыбленных грифонов. Центр зала занимал вытесанный из цельного камня стол, и во главе его высилось предназначенное правителю замка кресло, спинку которого венчала золотая грифонья голова с раскрытым клювом. Совет уже собрался: по правую руку от Тис сидели Старик и знахарка Зуна, по левую — первый всадник Гард и распорядительница Алимья, следившая за казной ордена. Погруженные в мрачное молчание, они и не заметили запоздалого появления Хуро. Он прошел за спину Тис и встал по правую сторону. Сестра выглядела чуть лучше прежнего, словно переживания вдохнули в нее новые силы.

— Зуна, говори первой, — произнесла Тис.

— Винга убил человек, сомнений нет, — начала знахарка, покручивая на пальце спутанный рыжий локон. — Рана у него на затылке была единственной. Причинили ее камнем или дубиной, так что Ворона здесь ни при чем.

— Удалось найти ее следы? — правительница глянула влево. — Гард?

— Нет. — С досадой ответил он. Гард не терпел неудач, особенно своих. — Тот, кто завладел Вороной, увел ее за тучи. Ни Тирп, ни я с остальными дозорными не нашли и перышка.

Тис сжала подлокотники так, что на руках выделились бледно-синие вены, но лицом осталась спокойна.

— Ворона бы не позволила оседлать себя тому, кто не умеет искусно обращаться с грифонами, — задумчиво произнесла она. — А уж забраться на стену замка и проникнуть в святилище — невообразимая задача для любого разбойника.

— Все так, но гильдия чиста, ты и сама это видела. — Гард пригладил русую бородку, уже подернутую сединой. — Клятву никто не нарушал. Да не дадут мне Светлые изречь ложь, такое чувство, что мы столкнулись со злым духом.

— Я не верю в злых духов, но в человеческое коварство — вполне. — Тис облокотилась о стол. — Алимья, сколько отступников сейчас живет за стенами Предела?

Распорядительница с готовностью придвинулась ближе: она всегда будто знала, о чем ее спросит Тис, и только ждала своей очереди заговорить.

— Осталось всего четверо. — Алимья принялась загибать длинные пальцы, вокруг которых вились золотые змейки. — Ваш отец и наш бывший правитель Тардон шестидесяти пяти лет от роду, бывшая прачка Цвета девяносто трех лет, бывший всадник Шаф семидесяти лет и бывшая кастелянша Дилька тридцати лет. Уместным считаю напомнить, что Шаф отрекся от ордена по причине потери руки. Дилька, когда ее навещали минувшей осенью, была на сносях.

Старик заерзал на стуле, его острые черты лица в слабо освещенном зале стали грубее.

— Тис, не подозреваешь ли ты, что Тардон на такое способен? — Его единственный глаз блеснул под кустистыми серыми бровями. — Одумайся, он бы никогда не навредил гильдии!

— Я знаю, — голос Тис прозвучал мягко, но уверенно. — Знаю, Радаг. К тому же, он недавно ушел в море. — Она покачала головой. — Но важно высказать все опасения, даже безумные. Мне потребуется изложить князю Фильдану полную картину, чтобы мы пришли к единому решению о следующих действиях.

— Ты собралась лететь в Серебряный? — неожиданно для себя спросил Хуро. Как наследник, он мог присутствовать на совете, но включаться в обсуждение права не имел.

— Да, Хуро. — Тис слегка повернула голову к нему, не отворачиваясь от стола. — Мы говорим не только о гибели жреца, но и о краже самородка. В Серебряный стекаются торговцы со всей Нокорады. Они известные собиратели сплетен о диковинках на рынке, в том числе и подпольном.

— Если позволите, — вновь подала голос Алимья, — замечу, что самородок, если принять его за обычное серебро, обойдется покупателю в стоимость небольшого замка или корабля с тремя мачтами. Иными словами, вор не сможет предложить его обычному торговцу или купцу, если только не разобьет на части.

— А ты уже все обсчитала, — процедил сквозь зубы Старик. — Дай волю, ты и Предел с грифонами приценишь.

Алимья не изменилась в лице.

— Приценю, Радаг, если того желает правительница.

— Прекратите грызню на костях Винга. — Тис устало потерла виски. — Если Алимья права, вор мог умыкнуть самородок для одного из князей. Тогда без Фильдана и его крылатой стражи точно не обойтись, да помилуют нас Светлые.

Хуро и Тис отправились к Серебряному Городу сразу, как закончился совет. Солнце едва перевалило за середину неба, и оперение Севера на свету сливалось с облаками. К началу сумерек впереди показались стены Серебряного, и еще издалека Хуро увидел, что восточные ворота заперты, а обычно оживленная часть тракта пустует. Свет на башнях города едва пробивался через белые камни, словно Серебряный накрыли темной вуалью. Хуро хлопнул Репейника по лопаткам, и грифон ускорился, поравнявшись наконец с Севером. Тис указала на палаточный лагерь, посреди которого стоял шест с широким флагом, голубым с серебряной бычьей головой. На привязи у палаток стояли шестеро взрослых грифонов. Трое из них были пестрыми, в рыжую, красную и серую крапинку, двое — песочно-желтыми, и один — черным с белыми полосами на морде и лапах. Хуро помнил, что пестрые были из одной кладки, и их отдали в Серебряный всем скопом. «Крылатая стража. Если ее выставили перед стенами, значит, в городе произошла беда».

Тис направила Севера вниз, белый зверь опустился прямо перед палатками. Репейник приземлился рядом, и грифоны стражи заклекотали, взбудораженные появлением чужаков. От одной из палаток отделилась высокая тень в голубом плаще главы крылатой стражи. Его звали то ли Алис, то ли Арис, и при каждой встрече Хуро избегал взгляда на лицо стражника, напоминавшее морду старого горного медведя с тяжелым и безжалостным взглядом.

— Лунной ночи, госпожа Тис, — пробасил стражник, приблизившись к грифонам. Его правая рука дернулась к эфесу висевшего на поясе меча, но тут же вернулась в прежнее положение. От глаз Тис это движение, похоже, не укрылось: она не торопилась спешиваться.

— Лунной, Алис. Почему город зарыт? — Тис пришлось натянуть поводья: Север под ней нервничал, и царапал землю передними лапами. — Мы должны попасть к князю.

— Князь Фильдан распорядился никого не впускать. Исключений нет. — Алис плюнул в сторону. — В городе поветрие, госпожа.

— Вот как, — голос Тис стал холоднее. — И давно?

— Уже как пару недель, — отчеканил стражник.

Хуро взглянул на стены. С такого расстояния он наконец различил черную пелену, висевшую над Серебряным. «На улицах сжигают так много покойников, что копоть не рассеивается».

— Значит, единственный город запада закрыт из-за поветрия, а гильдия об этом не знает? — Тис покачала головой. — И князь не отправил сокола или грифона с просьбой о помощи, а заперся и выставил перед воротами кучку стражников?

Рука Алиса вновь поднялась к мечу, но на этот раз не остановилась. Он уместил широкую ладонь на эфесе, неотрывно глядя на Тис.

— Таково распоряжение князя Фильдана, — из его речи пропала былая учтивость. — Не тебе решать, верное оно или нет.

— Ты говоришь с правительницей Предела и главой Грифоньей гильдии, — проговорил Хуро, и Алис повернул к нему свое жуткое лицо. Север зашипел. — Не забывайся.

— Прошу простить. — Пальцы Алиса крепче сжали рукоять меча.

— Мне не нужны твои извинения, — отрезала Тис. — Если мы не можем встретиться с князем лично, скажи, как передать ему послание. Мы прилетели сюда не для обмена любезностями.

— Госпожа! — раздался окрик из-за палаток.

Спустя мгновение Хуро заметил спешащего к ним мужчину. Его короткие ноги едва несли вытянутое тело, обтянутое фиолетовым камзолом, и при каждом движении незнакомец пошатывался из стороны в сторону. С его шеи свисала медная цепь толщиной в палец, державшая крупный рубин.

— О, госпожа Тис, как я рад, что вы почтили нас своим визитом! — Мужчина наконец приблизился на достаточное для разговора расстояние и остановился, тяжело дыша и утирая лицо алым платком.

— Лунной ночи, господин Дерен, — произнесла Тис уже мягче. — Не ожидала, что вы окажетесь здесь.

— Я и сам не ожидал, госпожа, — Дерен раздосадовано махнул платком. — Князь послал меня с торговой миссией в Травяной Перевал, я слегка припозднился, а когда вернулся, город уже закрыли. Приходится сидеть здесь на мешках с монетами, аки гусыня на яйцах. Во имя Светлых, казначей выпьет из меня за это всю кровь.

— Значит, в город даже нельзя ничего передать? — Тис наконец спешила и Хуро с неохотой последовал ее примеру. — Что это за поветрие?

Дерен умоляюще глянул на Алиса. Стражник молча отвернулся и направился вглубь лагеря.

— Прошу к моему очагу, госпожа. — Купец указал рукой в сторону деревьев у дороги. Из-за них виднелись своды шатра из воловьей кожи. — Я постараюсь рассказать все, что знаю сам.

В шатре оказалось невыносимо душно, и весь он пропах металлом и смесью сонных настоек, да так, что Хуро затошнило. Дерен проковылял к креслу у жаровни и тяжело опустился на него. Суставы на пальцах купца были раздуты, по ним расплзлась краснота. Тис

уселась напротив Дерена, Хуро остался стоять у входа в шатер, вполуха прислушиваясь к происходившему на улице.

— Для меня большая честь принимать в своем скромном шалаше, — купец хихикнул, — правительницу Молчаливого Предела с наследником. Хуро, я ведь помню тебя совсем мальцом. — Купец задержал ладонь над полом, показывая рост увиденного им когда-то ребенка. — Ты возмужал, да не дадут мне Светлые изречь ложь.

— Благодарю, — отозвался Хуро, мучительно пытаясь вспомнить их встречу.

— Вас с братом и тогда было друг от друга не отличить, а сейчас, наверное, это получится сделать только по цвету кафтана.

— Не только. Дерен, перейдите к сути, пожалуйста, — произнесла Тис с легким нажимом, и купец закивал.

— Да, конечно, госпожа. — Дерен вновь достал платок и утер им лоб. — Для начала хочу принести извинения за Алиса, если он вам чем-то досадил. Мы здесь в крайнем замешательстве из-за произошедшего в городе, а замешательство плохо влияет на нервы. — Купец воровато огляделся по сторонам, словно в шатре находились не только они втроем. — То, что постигло Серебряный — это не поветрие, госпожа моя. Это проклятие.

Слышалось лишь тяжелое дыхание купца и отдаленные разговоры отходивших ко сну стражников.

— Да, проклятие, говорю вам, — продолжил Дерен уже тише. — Как мне известно, князь решил вернуть в родные стены своего последнего сына, княжича Шантара. И после возвращения его высочества на город опустилась пелена. Она-то и не дает покинуть стены ничему живому или приблизиться к ним хотя бы на десять локтей. — Купец театрально взмахнул руками. — Все! Даже соколы не могут покинуть город.

— Как в таком случае у тракта оказалась половина крылатой стражи? — Тис склонила голову на бок и слегка прищурилась. — Уж грифоны несравнимо больше соколов.

Купец растерянно потер шею.

— Этого наверняка сказать не могу, госпожа моя. Вероятно, они были за стенами до появления пелены, и князь успел донести до них свой приказ. В любом случае, ворота Серебряного заперты изнутри, и пока Фильдан не даст распоряжение, они не откроются. Я бы двинулся за помощью, хотя бы в тот же Перевал или Почтовую башню, но мои люди еле волочат ноги после дороги.

Тис прерывисто вздохнула и прикрыла глаза. По морщинке, появившейся между ее бровей, Хуро догадался, что у сестры вновь разболелась голова.

— Госпожа, могу ли я помочь в вашей беде? — вкрадчиво произнес купец. — Если гильдии нужны деньги...

— Нет, Дерен, гильдии нужен ее щит, — в голосе Тис проскользнуло отчаяние, — а он, как вижу, раскололся. — Она поднялась и оправила кафтан, приняв свой обычный невозмутимый облик. — Если Серебряный и сам сейчас не в лучшем положении, гильдия не останется в стороне. Мы вернемся в Предел и отправим всадников во все города, и в Дом Света тоже. Проклятие это или нет, с ним нужно разобраться.

— Конечно, госпожа, конечно. — Купец закивал. — Только к чему спешка? Оставайтесь до утра, места для вас двоих тут достаточно. Клянусь, я не сомкну глаз, если буду знать, что вы отправились в путь на исходе дня.

Ответить Тис не успела. За стенами шатра раздался клекот Севера, громкий и озлобленный, и вслед за этим — многоголосый гомон остальных грифонов. Хуро быстро развернулся и отдернул штору, но не увидел происходившего в лагере: вход загородил Алис. Он с силой оттолкнул Хуро от выхода, шагнул внутрь, и из-за его спины в шатер ввалились еще пятеро. Своим видом они напоминали скорее разбойников, чем стражников: одежда висела грязными лохмотьями, лица покрывали шрамы. У каждого на поясе болтался кинжал с лиловой лентой

на рукояти. Хуро отступил к Тис и спрятал ее за спину. Купец, радушно пригласивший их в шатер, потупился, но не издал ни звука.

— Алис, что происходит? — Тис сжала плечо Хуро. — Кто эти люди?

— Скоро узнаете, госпожа, — улыбнулся Алис. — Запаситесь терпением.

В шатер зашел черноволосый мужчина в синем камзоле, разодранном на груди. Ткань в месте прорехи стремительно темнела.

— Надо же, как ваш белый меня потрепал, — весело сказал он. — А я думал, птички гильдии не нападают на людей. Стало быть, я своего рода избранный?

— Господин, я выполнил свою часть, — подал наконец голос Дерен. — Вы наверняка справитесь без меня.

Фиолетовые глаза незнакомца глянули на купца с презрением.

— Ты прав, Дерен. Справимся, — он повернулся к остальным. — Дайте ему, что причитается.

Двое разбойников, в чем Хуро уже был уверен, подхватили купца под руки и выволокли из шатра. Черноволосый глянул на Тис, потом на Хуро.

— Меня зовут Фарлотт Сол. — Он приложил руку к ране на груди и слегка склонил голову. — Окружающие вас господа известны на весь континент как Щетки. — Фарлотт прошел к креслу, на котором совсем недавно сидел купец, и устроился на широком подлокотнике. — Я бы сказал, что вам нечего бояться, но ночь сегодня обещает быть лунной. Перед взором Светлых лгать стыдно.

— Чего ты хочешь? — спросила Тис.

— Вот так сразу? — Фарлотт изобразил удивление. — Нет, госпожа, сейчас неблагоприятное время для переговоров. Я слышал, вы не самый уступчивый человек на континенте, так что сперва подготовим почву.

Только он закончил говорить, Алис в два шага преодолел расстояние от выхода, крепко схватил Хуро за руку и оттащил от Тис. Хуро вывернулся, и в то же мгновение стражник ударил его. В глазах помутилось, дыхание прервалось, и Хуро рухнул на колени, слыша приглушенные крики Тис. Когда он наконец смог сделать судорожный вдох, двое разбойников уже цепко держали его, а к горлу прижималось лезвие меча.

— Слушай и внимай, Тис Арген. — Фарлотт стянул со стола кусок сыра и забросил в рот. — Если ты не хочешь, чтобы ваши с братом жизни прервались здесь и сейчас, гильдия должна отдать мне грифонов. До тех пор, пока я их не получу, ты останешься моей гостьей.

— Нет, — прохрипел Хуро. Тис подняла руку, призывая его замолчать.

— Каждый грифон на земле, где бы он ни жил, принадлежит гильдии. Такова воля Светлых, и наша смерть ее не изменит, — произнесла она. — А ты обратишь на себя гнев четырнадцати князей и самих божеств. Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Тис, это ты не понимаешь. — Лицо Фарлотта застыло маской, но в каждом слове сквозила злость. — Я лишу гильдию правительницы и наследника, а потом отправлю своих людей в Предел на грифонах. Пусть у нас их всего шесть, но каждый перетащит троих вооруженных мужчин. Итак, восемнадцать головорезов против двадцати трех мирных овечек, которые им даже пощечины не дадут. Как тебе такой расчет?

Тис молчала. Ее щеки стали блее обычного, на виске нервно билась вена.

«Двадцать три овечки. Если он собирается убить нас с Тис, должно остаться двадцать шесть, — пронеслось в голове Хуро. — Ему известно о гибели Винга и о том, что Лим и Аффи не в замке».

— Я соглашаюсь на твоё условие, — медленно произнесла Тис. — Но оставь нам хотя бы двух зверей, иначе они исчезнут. Никто кроме гильдии не может вывести птенцов.

— О, я убежден, что разгадаю тайну их появления на свет, — Фарлотт вновь заулыбался. — Но ты права, госпожа: глуп и опрометчив тот, кто не видит возможных рисков. Я с удоволь-

ствием оставлю в Пределе белого, порвавшего мой любимый наряд. — Он провел рукой по ткани, на которой темнела оставленная клювом прореха. — А уж его спутницу выберите сами.

Фарлотт поднялся с подлокотника, подошел ближе к Хуро и принял из рук одного из разбойников арбалет.

— Что до тебя, Хуро, запоминай мои слова и не дергайся. — Он легким движением взвел арбалет и направил его на Тис. — Как прилетишь домой, подготовь зверей к путешествию. Щетки прибудут в любое время, хоть бы и на завтрашнем рассвете. Семнадцать грифонов, тридцать соколов и вся гильдия должны быть в замке. Если кто-то решит сбежать или отправить в города птицу с письмом, я восприму это как оскорбление. Поверь, никому это не понравится.

— Что будет с Тис? — Хватка разбойников ослабла, но Хуро не двигался с места.

— Я не причиню твоей сестре вреда, пока она остается рядом. — Фарлотт отвел арбалет в сторону. — А возвращение Тис состоится, как только грифоны будут у меня. На этом наш разговор окончен, не смею больше задерживать. Сивый, Раль, отпустите его.

Разбойники отступили. Хуро взглянул на Тис, и она молча кивнула, прощаясь.

Он вышел из шатра в холодную ночь и побрел к Северу. Репейника уже увели. Краем глаза Хуро заметил в траве лежащего ничком человека в фиолетовом камзоле, и к горлу вновь подобралась тошнота.

Впереди была самая долгая в жизни дорога домой.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.